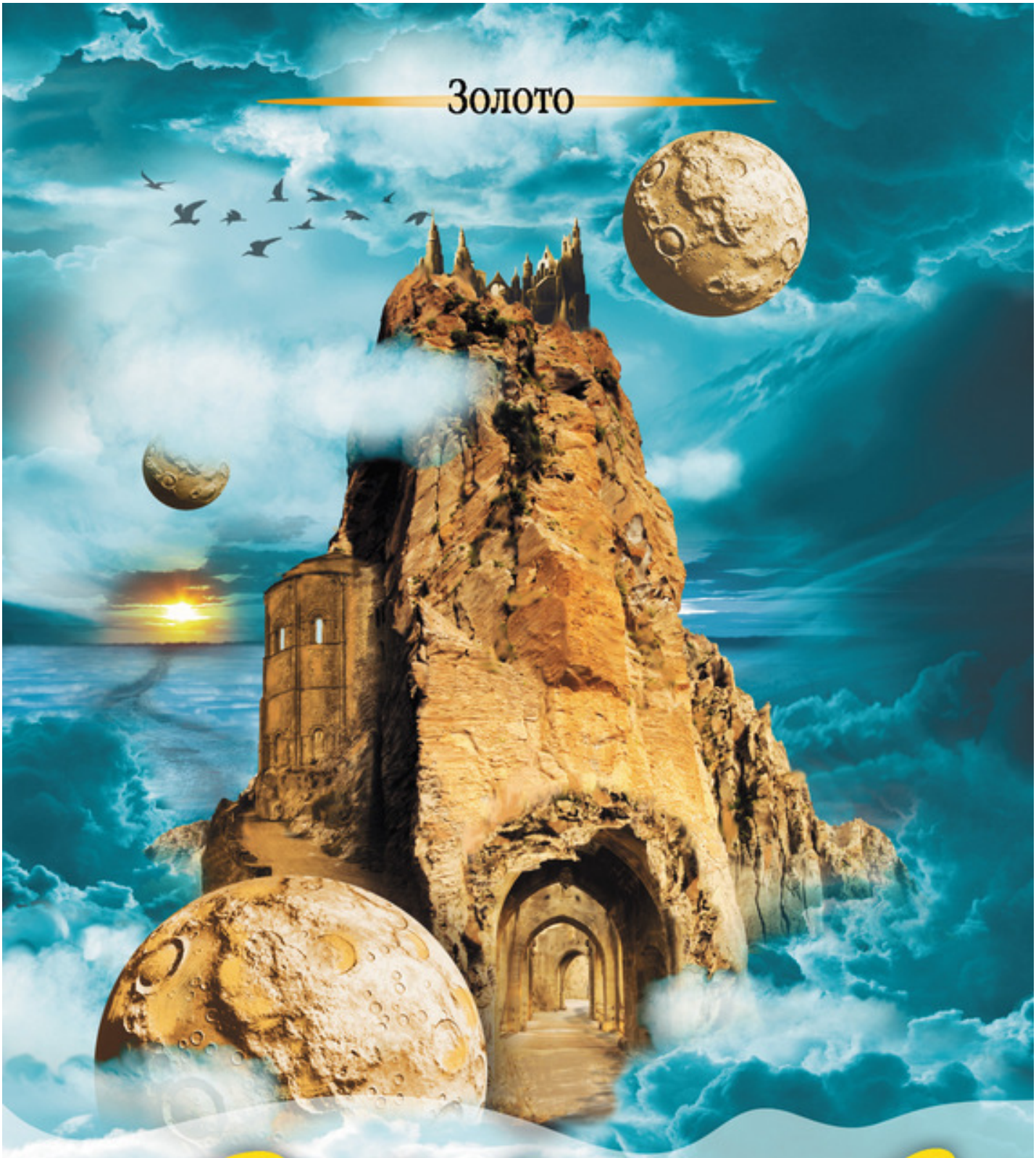

Золото

Наталья Солнцева

В горах ближе к небу

Золото

Наталья Солнцева

В горах ближе к небу

«АСТ»

2012

Солнцева Н. А.

В горах ближе к небу / Н. А. Солнцева — «АСТ», 2012 — (Золото)

ISBN 978-5-271-40780-2

Бывший сотрудник сыскного агентства «Барс» Марат Калитин отправляется на Памир, чтобы на месте разобраться в загадочных событиях в районе Язгулемского хребта. Он расследует взрыв в туннеле, где снимался фильм, и последовавшее за взрывом исчезновение людей. Марат надеется отыскать работавшую в съемочной группе Ларису по просьбе ее мужа, но Лариса обнаружена мертвой. Кто убийца? И не связана ли смерть молодой женщины с найденным ею золотым самородком? Постепенно становится ясным, что корни странных событий уходят в глубокую древность и связаны не только с исчезнувшими земными цивилизациями, но и с жизнью других планет.

ISBN 978-5-271-40780-2

© Солнцева Н. А., 2012
© АСТ, 2012

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 13
Глава 3 20
Глава 4 27
Глава 5 34
Глава 6 41
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Наталья Солнцева
В горах ближе к небу

Дорогой читатель!

Книга рождается в тот момент, когда Вы ее открываете. Это и есть акт творения, моего и Вашего.

Жизнь – это тайнопись, которую так интересно разгадывать. Любое событие в ней предопределено. Каждое обстоятельство имеет скрытую причину.

Быть может, на этих страницах Вы узнаете себя. И переживете приключение, после которого Вы не останетесь прежним…

С любовью,
ваша Наталья Солнцева

Все события и персонажи вымышлены автором. Все совпадения случайны и непреднамеренны.

Глава 1

Да создаст праматерь род человеков,
Бремя Богов на него возложим.
(Шумеро-аккадский эпос)

Марат Калитин вошел в офис киностудии «Дебют». Он очень спешил, – нужно было успеть на самолет, вылетающий в Душанбе.

Секретарша в малиновом брючном костюме преградила ему дорогу.

– Вы куда?

На ее щеках играл румянец, соперничающий с цветом ее одежды.

– Мне нужен господин Чаров.

– Его нет.

– Отлично. Я сам посмотрю.

Марат решительно отодвинул рассерженную даму и направился по коридору, ища глазами кабинет кадровика.

– Он занят… – запоздало крикнула ему вслед секретарша.

Но Калитин уже открыл дверь. За столом сидел упитанный мужчина, черноволосый, черноглазый, с крупными яркими губами на бледном лице. Серый с металлическим отливом костюм сидел на нем безукоризненно.

– Я по поводу работы! – выпалил Марат, опережая вопрос хозяина кабинета.

Глаза Чарова возмущенно блеснули. Он машинально поправил узел галстука.

– Разве вас не предупредили, что я занят? – сдерживая раздражение, спросил он.

– Нет.

– Странно… Впрочем, вы уже здесь, так что говорите.

– Я по объявлению в газете, – соврал Калитин. – Хочу заработать денег на квартиру. У меня много профессий – шофер, сварщик, грузчик. Готов выполнять любые поручения.

Он изображал настырного провинциала, который не признает приличий.

– Мы давно не даем никаких объявлений, – холодно ответил кадровик. – Нам больше не нужны сотрудники.

– Почему?

Чаров барабанил пальцами по гладкой поверхности стола. Руки у него были холеные, на безымянном пальце красовался массивный золотой перстень.

– Киностудия закрывается, – вздохнул он и отвел глаза. – Весь штат будет распущен в течение недели.

Эта информация оказалась совершенно неожиданной для Марата.

– У вас работает мой друг…

Чаров равнодушно рассматривал свой перстень, поворачивая его в солнечном свете то в одну, то в другую сторону. Грани перстня ярко вспыхивали.

– Значит, вашему другу придется искать новую работу, – лениво процедил он.

– Мы собирались работать вместе, – гнул свое Калитин. – Я могу поговорить с ним?

– Конечно, можете. Разговаривайте, сколько вам угодно… При чем здесь я? Вы меня отвлекаете, молодой человек! У меня много дел… в связи с ликвидацией киностудии.

– Мой друг находится на Памире, в командировке, с вашей съемочной группой.

– Да? – вскинул глаза Чаров. – Ну, так подождите немного. Они все скоро приедут.

Назойливый посетитель переминался с ноги на ногу, вздыхал, почесывал затылок, но уходить не собирался.

Кадровик потерял терпение.

– Что-то еще? – недовольно спросил он.

– Н-нет… – промямлил Марат. – Вы меня так расстроили. А господин Ревин обещал, что я буду работать у вас. Он меня обнадежил.

Он ничего не собирался говорить о Ревине. Слова вылетели сами собой.

– Даниил Петрович? – удивился Чаров. Его глаза приобрели иное выражение. – Почему же вы сразу не сказали?

«Так и есть! – подумал Марат. – Ревин и тут приложил руку. Можно было раньше догадаться. Памир, туннель, строительная фирма, киносъемки… все это как-то связано».

– Ну, я… растерялся… – бубнил Калитин, лихорадочно соображая, как теперь быть. – А что, вы мне не отказываете? Вы дадите мне работу?

Кадровик перестал разглядывать свой перстень и поднял голову.

– Если вас прислал господин Ревин, это меняет дело, – сказал он. – Думаю, что-нибудь найдется. Зайдите через неделю.

Марат с облегчением вздохнул. Если бы Чаров предложил ему работу прямо сейчас, выкрутиться из сложившейся ситуации оказалось бы сложнее. А через неделю столько воды утечет…

– Спасибо! – он изобразил на лице радостную улыбку. – Я обязательно зайду.

Но Чаров уже потерял к посетителю интерес и уставился в свои бумаги.

Выйдя из офиса киностудии, Кали тин поспешил в аэропорт.

На небе ярко сияло солнце. С крыш капало, в голых кустах суетились воробьи и синицы. На лицах людей появилось то особое выражение ожидания весны и того, что она может принести с собой, которое так нравилось Марату. Он и сам ощущал сладкий трепет в груди…

«Неужели я влюбился?» – спросил он себя. Сам вопрос показался ему глупым и одновременно восторженно-приятным. Вчерашняя встреча с Ангелиной Львовной в его квартире и состоявшийся между ними разговор поразили Марата нежностью и внезапно вспыхнувшей страстью, которую оба старались подавить. Предстоящая, хотя и недолгая разлука взволновала их, особенно Марата. Он вдруг испугался, что может больше никогда не увидеть Лины, ее горячих глаз и мягкой улыбки, не услышать ее шуток или неторопливых, взвешенных рассуждений. Она была самой спокойной из всех женщин, которых он знал.

Калитин всегда считал, что ему нравятся взбалмошные кокетки. До этого последнего дня в Москве. Разумеется, он не сказал Закревской, куда едет. А она не расспрашивала. Проявлять излишнее любопытство было не в ее правилах.

«Меня некоторое время не будет в городе, – как бы между прочим сообщил он. – В командировку еду, по делам «Профиля». Товарища одного повидать надо. Вот, позвонил, совместный бизнес предлагает. Хочу лично встретиться».

«Тебя проводить?»

«Нет! – поспешно отказался он. – Не люблю прощаться…»

Ангелина Львовна не стала настаивать.

Они пили коньяк и кофе почти до самого утра, говорили обо всем… и ни о чем. Потом он вызвал ей такси.

«Позвонишь?» – спросила она, садясь в машину.

Господин Калитин повел плечами.

«Как получится…»

Такси, поднимая брызги, развернулось и исчезло за углом дома. Марат почувствовал себя таким одиноким, словно он остался на необитаемом острове. Миллионный город смотрел на него желтыми глазами чужих окон. Над домами стояло сумеречное, беззвездное небо. И оно тоже показалось Марату чужим.

По сути, в его жизни все было чужим – биография, адрес, род занятий и даже фамилия. Только имя он не захотел менять. Его вторая, скрытая жизнь, как ему казалось, была важна

и полна смысла. А ту, которую он вел напоказ, в виде прикрытия, Марат привык считать нудным и бессодержательным спектаклем. Он стал человеком-маской, который давно забыл свое истинное лицо. Маска приросла к коже, а дешевая игра на публику заменила ему собственные чувства и переживания. Он запутался. Роль начала управлять актером? Или актер устал от роли?…

Марат жил, словно в тумане, без права выйти на свет. Во имя чего? Этот вопрос возник у него впервые. Получалось, что вся его видимая жизнь существовала для окружающих людей. А лично ему, Марату Калитину, предназначались только звонки по мобильному телефону, сообщающие, что он должен включить компьютер и прочитать зашифрованное задание. Дальше он мог действовать на свое усмотрение – либо приступать к делу, либо отказаться. Агент такого ранга, как он, пользовался определенной свободой. Задания были скорее предложениями, чем приказами, и если Калитин их выполнял, то получал щедрое вознаграждение. Обычно он охотно брался за работу и блестяще справлялся с ней. Хоть какое-то развлечение!

Марату было скучно, и недавно накатившая на него депрессия являлась одним из проявлений угасающего интереса кжизни. Зато он познакомился с Ангелиной Львовной. Она не только помогла ему выкарабкаться из внутреннего застоя, но и пробудила в нем чувства, о которых он не подозревал. Женщины тоже были для него чем-то не настоящим, частью фальшивой игры. И даже разочарование и боль, испытанные им по вине Аллы-Алины, почти притупились.

Он настолько привык изображать чужую жизнь, как будто занимался этим давным-давно. Нахлынувшие на него «видения» внесли свежую струю в унылое существование, и когда они прекратились, Калитин огорчился. Ему стало их не хватать. Там, в свалившейся на него иллюзорной реальности, он тоже притворялся кем-то другим. Он жил и действовал, преследуя неведомую ему цель, ради которой выдавал себя не за того, кем являлся на самом деле. Загадочная цель не давала ему покоя. Он пытался вспомнить ее и не мог. Устав от бесплодных попыток, Марат погружался в сомнения по поводу того, нормален ли он. Что, если депрессия была первым признаком душевного недуга?

Самолет на Душанбе вылетел с небольшим опозданием. Марат сидел с закрытыми глазами, тщетно пытаясь заснуть. Раньше это ему удавалось без труда. А сейчас… Нечто изменилось. Он еще не понимал, не мог в полной мере осознать, что именно произошло. Но чувствовал нервное напряжение. Наверное, так снежный барс чует угрозу схода лавины.

Ровно гудели двигатели, и Калитин, наконец, провалился в тревожное забытье. Он все-таки задремал, и перед ним сразу возник милый образ Лины. Она – его единственная подлинная связь с этим миром. Не что-то выдуманное, прикрывающее истинную суть вещей, а сама эта суть. Его переживание любви к ней есть самое ценное из всего, испытанного им до сих пор.

Остаток полета прошел для Марата в эйфорическом блаженстве, поглотившем время и пространство.

Столица Таджикистана встретила пассажиров рейса Москва – Душанбе ярким солнцем, теплом и запахом цветущих деревьев. Мокрый асфальт блестел. У здания аэровокзала молодые таджички продавали тюльпаны.

– Недавно дождь прошел, – сказал спутник Марата, грузный пожилой мужчина в очках с толстыми стеклами.

За этими стеклами его глаза были неестественно большими.

Марату опять все показалось чужим: и здание аэровокзала, и небо, и деревья, и женщины, наперебой предлагающие купить цветы, и этот идущий рядом человек.

«Меня утомил перелет», – подумал господин Калитин…

Памир

Место катастрофы было оцеплено солдатами внутренних войск, на дорогах расставлены блокпосты. Милиционеры и военные, изнемогая от внезапной жары, проверяли документы, осматривали проезжающие автомобили.

Марат приехал к туннелю вместе с другими членами комиссии по расследованию чрезвычайных ситуаций. Его представили как эксперта из Москвы. Первым делом он познакомился с Хушкадамом Батыркуловым, председателем комиссии.

– Мне звонили по поводу вас, – сказал этот красивый восточный мужчина с седыми висками. – Господин Багров, кажется?

– Багров, Алексей Юрьевич, – слегка поклонился Марат.

– Каковы ваши полномочия?

– Самые широкие, – ушел от ответа приезжий. – Я бы предпочел оставаться в тени. Могу я назваться вашим помощником?

– Разумеется… – неохотно согласился Батыркулов. – Я получил распоряжение не мешать вам. Вы специалист…

– Широкого профиля, – закончил его фразу Марат.

Батыркулов мрачно кивнул. Его задела скрытность московского эксперта, но продолжать разговор в том же духе он посчитал нецелесообразным. Какое его дело, в конце концов? Москвича прислали по указанию вышестоящего лица, и Батыркулов не несет за действия этого Багрова никакой ответственности. Большим людям виднее.

– Понимаю вас, – только и сказал он. – Если что-то понадобится, обращайтесь в любое время дня и ночи.

– Спасибо.

Господин «Багров» с воодушевлением пожал протянутую ему руку и откланялся. Самый скользкий момент легализации прошел гладко. Теперь можно спокойно работать. И Марат отправился на поиски начальника строительства.

Паршин лежал в своем комфортабельном вагончике, едва живой от радикулита. Известие о взрыве в туннеле отняло у него последние силы.

– Меня уже расспрашивали, – простонал он при виде Марата. – Сколько можно?

– Простите, но я должен выполнять свои обязанности, – сухо ответил «эксперт». – У меня к вам несколько вопросов.

– Черт бы вас побрал с вашими вопросами!

На Калитина не произвел никакого впечатления свирепый тон начальника строительства. Отчасти он даже сочувствовал Паршину.

– И все-таки… Предварительного заключения о причине взрыва пока нет. Что вы лично думаете по этому поводу? Как насчет технических нарушений?

– Мы все делали по инструкции! – взревел Паршин, пытаясь приподняться, но со стоном рухнул обратно на подушки. – Как положено! Ясно вам? Хотите все свалить на нас? Не выйдет. У меня с самого начала было предчувствие, что с этим туннелем не все в порядке. Черт…

От боли и досады он сболтнул лишнее и тут же пожалел об этом.

– Не все в порядке? Что вы имеете в виду?

– Ничего особенного… Просто интуиция. Мне не хотелось руководить этой стройкой, вот и все.

– Должна же быть какая – то причина для вашего нежелания? – настаивал Марат.

Паршин помолчал, морщась и ерзая. Он не мог удобно устроиться на койке. Дотошный эксперт страшно раздражал его.

– Ну… раньше тут уже пытались прокладывать туннель… Давно. Еще в семидесятых. А потом передумали.

– Почему?

– Вот и я гадал, почему. То ли средств не хватило, то ли… Не знаю. Место тут удобное, как раз для автомобильной трассы. А строить не стали. Слухи всякие ходили…

– Какие слухи?

– Не люблю я сплетни пересказывать! – разозлился Паршин. – Это к делу не относится.

– Ладно, – согласился Марат. Он решил поговорить с Паршиным еще раз, когда тому полегчает. – Вы давно болеете?

– Дней десять. Так прихватило… что шевельнуться не мог. Стало чуть легче, а тут взрыв. Перенервничал, опять приложило. Хоть криком кричи!

– Кто руководил строительством вместо вас?

– Валера Изотов, мой заместитель.

– Он не мог допустить серьезную оплошность или технический просчет?

– Послушайте… – Паршин глубоко вздохнул. – Во-первых, Изотов грамотный инженер, классный специалист, а во-вторых – порядочный человек. Я исключаю техническую ошибку. И потом, у нас ведь не производились саперные работы. Ну, отчего мог произойти взрыв? Газ? Сомнительно. Это ведь не шахта, где идет выработка породы. Землетрясение? Но тогда был бы просто обвал. Да и не трясло нас в ту ночь. Изотов сразу с сейсмологами связался, те уверяют, что землетрясения не было. Значит…

– Вывод напрашивается сам собой, – задумчиво произнес Марат. – Вы использовали при строительстве взрывчатку?

– Конечно. Бурили шурфы и взрывали.

– А говорите – не производились саперные работы.

– Так то давно было…

– Взрывчатка осталась?

– Да, – ответил Паршин. – Она хранится на складе, с соблюдением всех правил безопасности.

– Склад оборудован сигнализацией?

– Разумеется. А как же? Если вы думаете, что кто-то взял взрывчатку с нашего склада, то напрасно. Изотов вместе с представителями органов в первую очередь это проверили. Все взрывчатые вещества на месте. Они относятся к материалам строгой отчетности.

Марат задумался.

– Человеческие жертвы есть?

– В туннеле работают спасатели, – ответил Паршин. – Пока ни одного трупа не нашли. Но двое рабочих из ночной смены пропали. Предположительно, они могли находиться в районе взрыва.

– Почему так поздно спохватились?

– Звук взрыва глухой, к толчкам все привыкли. Здесь практически постоянно трясет. Горы, сейсмическая зона… А сигнал тревоги не сработал. И потом… взрыв произошел ночью, когда в туннеле почти никого нет. В ночные смены у нас люди работают только в экстренных обстоятельствах. Если проходчики отстают от графика… или авария какая-нибудь.

– Понятно. Могли в туннель попасть посторонние?

Паршин отвел глаза. Ему не хотелось подводить Изотова, но о киносъемочной группе знали все, так что молчать не имело смысла.

– Могли… – мрачно ответил он.

– Кто? Каким образом?

– Да киношники проклятые! Приехали на нашу голову… Пристали, как пиявки. Пустите, мол, эпизод снимать надо. План горит! Финансы горят! Я бы ни за что не пустил. А Валера, добрая душа… Вот теперь будет расхлебывать. Мало не покажется.

– Что за киношники? Откуда приехали? – спросил Марат, догадываясь, что речь идет о съемочной группе киностудии «Дебют».

– Из Москвы. Надо было им аж на Памир тащиться? Людям деньги девать некуда, вот что я вам скажу.

Марат согласно кивнул. Он думал примерно также. Перед самым отлетом в Душанбе он успел проверить источник финансирования киностудии «Дебют». Их спонсором действительно оказался Ревин.

– Что они снимают? Какой фильм? – на всякий случай поинтересовался он.

– Катастрофу, – буркнул Паршин. – Знаете, каких кино называется? «Взрыв в туннеле»! А?! Каково?

– Да… интересно все складывается.

Этого Калитин не ожидал. Странное совпадение.

– Изотов пустил их в туннель снимать взрыв, – сказал Паршин. – Дурак!

– Ну и как, сняли?

– Ага, сняли. А на следующую ночь нате вам, получите! Может, это они все подстроили?

Марат уже знал, что съемочная группа расположилась в кишлаке недалеко от стройки. Но побывать там не успел.

– Как с ними поговорить? Никто не собирается в кишлак?

– Их автобус здесь, – сказал Паршин. – На нем чертовы киношники приехали. Режиссера своего забирать. Можете с ними побеседовать.

У Кали тина в голове воцарился полнейший хаос.

– Забирать режиссера? Откуда?

Паршин в очередной раз вздохнул. Он устал. Но отвязаться от «эксперта» было не так просто.

– Из медпункта, – признался начальник строительства. – После съемок режиссер куда-то делся. Пропал! Говорят, заблудился. Они его искали, но не нашли. Так и уехали. А утром вернулись. Не все, конечно, а только каскадеры с Борисом. Это их главный.

– Где режиссер пропал? В туннеле?

– Не помнит он, – зло сказал Паршин. – Утром явился невесть откуда. Говорит, плохо ему стало, заблудился среди скал, промерз. Ребята его в медпункт отвели. Он до сих пор там. Доктор не велел трогать, пока ему не полегчает. Вот Борис и ждет.

Марат решил, что от Паршина он узнал достаточно. Теперь следует обдумать полученную информацию. Он попрощался с больным и вышел.

День клонился к вечеру. Сахарные верхушки гор покрылись сумеречной дымкой. Похолодало. Марат прогуливался по территории, прилегающей к порталу туннеля, и размышлял. Главным действующим лицом его размышлений являлся… господин Ревин.

Получается, что Даниил Петрович вкладывал деньги частично в проект туннеля, потом в строительную фирму, которая специализируется на проходке, потом спонсирует киностудию через подставное лицо – некого Гаврилова. Съемочная группа на его деньги едет черт знает куда – на Памир! – и содействует… взрыву туннеля? Абсурд. С какой стороны ни возьми.

В строительство вложены огромные средства, и не только Ревина. Зачем, спрашивается, сначала строить, а потом взрывать?

«Если взрыв туннеля организовали не киношники, то кто? – гадал Марат. – Зачем тогда они здесь? Снимают кино? Неужели господин Ревин такой рьяный поклонник кинематографа? И почему они назвали свой фильм «Взрыв в туннеле»? Слишком откровенно и привлекает внимание. Глупо… Возможно, они не имеют к настоящему взрыву никакого отношения».

Калитин решил поговорить с Борисом. Вдруг что-то да прояснится?

Но каскадер не сообщил ему ничего нового. Кроме того, что режиссеру Бахмету стало плохо в туннеле, он вышел, побрел куда глаза глядят и заблудился.

– Мы хотели его забрать, – жаловался Борис. – А доктор не позволил. Сказал, только утром. Ну, а ночью… сами знаете, что случилось. Теперь нас не выпускают отсюда, хотя всех уже допросили.

– Расспросили… – мягко поправил его Марат. – Вы уверены, что вам больше нечего добавить?

– Вроде нечего, – покачал головой Борис…

Глава 2

«Сны видит лишь тот, кто спит».
(из папирусов Древнею Египта)

«Я буду скучать по тебе», – сказал Марат, когда они подошли к машине.

Это было так на него не похоже, что у Ангелины Львовны сжалось сердце. Она почувствовала острую, необъяснимую печаль. Ведь он вернется! Командировка – не дальний поход и не война. Почему же ей стало так одиноко, когда он захлопнул дверцу такси?

Она перебирала в памяти подробности их последнего разговора. Марат все расспрашивал о Ревине, какие-то мелочи… потом они просто болтали. О разном. Потом он неожиданно сказал:

– Я хочу вспомнить, кто я. Или кем был… Она не поняла.

– Что ты имеешь в виду?

– Сам не знаю. Наверное, эти «опусы» навеяли на меня странные мысли. Тот человек, который там… словом, я ведь так и не знаю, кто он. Может, я? Или кто-то другой?

– Это важно для тебя? – удивилась Ангелина Львовна.

Марат помолчал.

– Наверное, раз я все время об этом думаю.

Она молча смотрела на него. Он вдруг обнял ее и поцеловал. Поцелуй был коротким, как бы дружеским. Но приятным. Очень.

– Хочешь выпить?

Она впервые была у него дома и с интересом разглядывала обстановку. Хорошая мебель, техника, книги… дорогие вещи. За всем этим совершенно не проступала индивидуальность. Типовая квартира с евроремонтом.

Марат принес коньяк и фрукты. Налил ей и себе в бокалы из богемского стекла.

– Знаешь, что мне напоминает твоя квартира? – она повела рукой вокруг. – Гостиничный номер.

– Твои комплименты потрясают, Лина! – засмеялся Марат. – Никому бы не удалось сделать это лучше.

– Я надеюсь…

Им было легко вдвоем. Никаких обид, никаких претензий. Никакой фальши. Даже Марат почти не притворялся. Он просто существовал рядом с женщиной, которая будила в нем странные желания, томительный трепет юности… Казалось, весь его предыдущий опыт испарился, исчез. Может быть, так чувствовал себя Адам, первый мужчина на земле?

– Над чем ты смеешься? – возмутилась она. – Прекрати немедленно!

– Если бы ты знала, какие глупые мысли приходят мне в голову…

Они долго целовались в темноте, полной ночных шорохов и запаха апельсинов. Потом пили коньяк и снова целовались. Потом, когда Ангелина захотела его по-настоящему сильно, как никогда в жизни не хотела мужчину, начало светать. Марат еле справился со своим собственным желанием. *Это* не должно произойти между ними вот так, впопыхах. Он опомнился, умылся холодной водой, постоял в ванной, глядя в зеркало и не узнавая себя… потом вызвал ей такси и проводил до машины.

Госпожа Закревская ехала домой по сонной Москве, утопающей в розовой дымке рассвета, и вспоминала поцелуи Марата, его лицо, когда он смотрел, как она садится в машину.

– Я буду скучать по тебе, – прошептала она, оглядываясь на его крепкую фигуру.

– Что вы сказали? – спросил водитель.

– Нет-нет… ничего.

Дома она набрала номер Самойленко.

– Олег?

– Черт тебя возьми, Ангелина! Ты хоть иногда, для разнообразия, смотришь на часы? – проворчал он.

– Нет.

– Это заметно.

– Твоя школа. Ты сможешь завтра… то есть сегодня принять моих пациентов?

– Если они захотят… А что случилось?

– Я не приду на работу. Жутко устала и хочу спать.

Она уснула, когда уже совсем рассвело. Мысли о Марате плавно перетекли в странную молитву…

О, одновременность, пребывающая вне времен, Раскрой мне объятия интуитивного постижения!

Приподними покров противоречий, скрывающий суть вещей!

Мы молим, чтобы Сын Солнца,

Стоящий сейчас здесь, был принят как ваги сын…

Заставьте же этот мертвый камень звенеть священным голосом!

О, лучезарный Владыка Вечности, позволь нам плыть

По реке бытия, сохраняя ум пустым, а сердце легким…

О, священные символы полночного Солнца,

Скрытые в Шу – Великой Пустоте – благословляющие Проникновение и Уход…

Слова молитвы, произносили нараспев высокие, облаченные в золотистые одежды существа. Плечи их покрывали львиные гикуры, а лица – золотые маски в виде львиных голов.

Свод большого зала опирался на огромные колонны, покрытые иероглифами. Стены украшали чудесные фрески, выполненные красной, черной и белой красками. Посреди зала, на выложенном мозаикой полу стояла огромная золотая статуя, вокруг которой и совершалась загадочная церемония.

– В полночь я вижу Солнце, сияющее восхитительным светом! – провозглашал жрец с золотым диском на голове.

Ему вторили все присутствующие, голоса которых, подхваченные эхом, как бы обрушивались сверху вниз, теряясь между колонн.

– Полночное Солнце – Дух, сияющий во мраке! «Мра-а-а-ке-е-е…» – подхватывало эхо.

– Таинственный свет, оживляющий сущее! Видимый в полночь так же хорошо, как и в полдень! Все бессильно перед лучами твоими, о Божественный гиар!

«Ша-а-а-а-р-р-р…» – раздавалось под высокими сводами.

– О Светило, при восходе одетое в голубой туман! Ты – небесный гиар в полдень, сияющий и блистательный Золотоволосый Спаситель Мира I Твой цвет желтый, и власть твоя безгранична!

«…лрани-и-и-чна-а-а-а…»

– На закате ты исчезаешь в красном огненном одеянии за горизонтом, чтобы с триумфом возникнуть из объятий тьмы!

«…ы-ы-ы-ы…»

Ангелина Львовна в ужасе вскочила. Сидя на постели, она медленно возвращалась из своего странного сна в привычную обстановку комнаты. Таких ярких, осязаемых, полностью реальных снов она раньше не видела.

Захотелось вдохнуть свежего воздуха. Она поспешила к окну и распахнула форточку. Холодная сырость хлынула в легкие…

– Мне никогда не снилось ничего подобного, – бормотала она, делая судорожные вдохи. – Никогда… ничего подобного…

Тут же память услужливо подсунула ей предыдущее сновидение о смерти алхимика.

В сущности, ничего особенно пугающего ни в первом, ни во втором сне не было. Но эта невероятная, пронзительная ясность, достоверность происходящего наводили на Ангелину Львовну жуть.

Откуда берутся такие сны? На кафедре нас учили, что из подсознательного. В таком случае откуда берется это подсознательное?

На ее мысли как будто опустился испещренный золотыми знаками занавес, сквозь который она не могла смотреть ни вперед, ни назад. Прошлое и будущее казались одинаково размытыми, запутанными и недоступными для постижения.

Желание спать пропало. Только теперь доктор Закревская по-настоящему поняла пациентов, которых мучили кошмары. Они все боялись ночи.

Спать ей больше не хотелось, а чем занять себя, она не знала. Позвонить Марату? Невозможно. Он же уехал! Покинул Москву и не сказал, когда вернется.

«Там, куда я еду, вряд ли есть сотовая связь», – вскользь обронил он.

Ей не надо было объяснять, что это означает. И так понятно: он просит не звонить.

Время от времени он уезжал в свои таинственные командировки. Интересно, почему он обставляет их такой скрытностью? Может, старается быть загадочным? Это определенно возбуждает женщин. Имидж «крутого», слегка разочарованного супермена… И ведь прекрасно работает! Впрочем, не все ли равно…

– Мне все равно! – громко произнесла она.

Собственный голос показался ей странным. В памяти снова возникли фигуры жрецов в золотых львиных масках, залитый светом зал, огромная золотая статуя посередине…

«Я не хочу об этом вспоминать, а картина сна сама лезет в голову, – подумала Ангелина Львовна. – Надо отвлечься. Помечтать о чем-нибудь. Хотя бы о встрече с Маратом. Как долго мы знакомы, а интимные отношения до сих пор не сложились. Мы оба делали вид, что нас связывает только дружба, взаимная симпатия. А это не так…»

Мысли о Марате навеяли на нее грусть. «Лучше почитаю что-нибудь», – решила она. Открыла книжный шкаф, постояла в раздумье. На глаза попалась книга Юнга.[1]

На третьей странице Ангелина Львовна осознала, что смысл написанного не доходит до нее. В воображении появляется образ из сна: золотая статуя, мерцающая в переливах света, словно спящее Божество, излучала первозданную величественную мощь…

Закревская тряхнула головой, отгоняя назойливое видение. Золотая статуя отдалилась, но не исчезла.

– Буду читать книгу, – вслух произнесла Ангелина, думая, что это поможет ей углубиться в психологические изыски господина Юнга.

Не тут-то было. Столь привлекательное раньше чтение вызывало зевоту и ломоту в висках. Строчки расплывались перед глазами, не желая складываться в стройную последовательность. Каждое предложение утомляло монотонностью и отсутствием ясно выраженной идеи.

Золотая статуя из сна казалась гораздо более реальной, чем все рассуждения о предмете, который был так же непонятен автору, как и читателю.

---

[1] Юнг Карл Густав (1875–1961) – швейцарский психолог и философ, основатель аналитической психологии.

«Неужели я долгие годы всерьез увлекалась подобным вздором? – поразилась Закревская. – Я пыталась объяснить душу человеческую языком, не предназначенным для этого. Внутренний мир каждого из нас существует и развивается по собственным законам. Невозможно постигать дух, используя логику, предметы и формы…»

Памир. Община гуру Нангавана

Здесь, выше в горах, никто не знал о взрыве в туннеле. *Шраваки* продолжали жить по своему обычному распорядку. Утренняя медитация не обещала сюрпризов. Но… иногда происходит неожиданное.

– Вдохните и представьте себе, что вы выдыхаете, – монотонно бубнил Нангаван. – Выдохните и представьте себе, что вы вдыхаете.

Он повторял эту фразу раз за разом, сидя в позе лотоса на теплом шерстяном ковре. Летом они медитировали, сидя на циновках, но сейчас приходилось пользоваться толстыми коврами. Пол оставался холодным, хотя печку топили каждый день.

Нангаван не выспался и чувствовал себя скверно. Ночь он провел в лихорадочных раздумьях, метаясь между двух огней. То он проклинал себя за принятый им дьявольский дар, то успокаивал свою совесть тем, что сверхъестественные способности даны ему Высшим Разумом не случайно, а для выполнения *миссии.* Следом возникал вопрос, какова же эта *миссия?*

«Что я должен делать? – мучился Нангаван, теряясь в догадках. – Может быть, производить золото и раздавать его страждущим? Кормить нищих? Защищать убогих? Использовать неиссякаемые средства на строительство больниц? Финансировать новейшие медицинские исследования? Что от меня требуется?»

В его воображении разворачивались грандиозные акции благотворительности, в которых он играл главную роль защитника обиженных и покровителя несчастных. Это выглядело следующим образом: Нангаван стоял на высоком пьедестале и держал в руках рог изобилия, из которого под восторженные крики толпы нескончаемым потоком лилось золото…

Потом вдруг сию торжественную картину сменяла трагическая судьба Фауста. Дьявол сначала дает насладиться роковым подарком, а затем… взыскивает с должника страшную плату.

«Чур меня, чур, чур…» – бормотал Нангаван.

Кроме золотого самородка, найденного им в пещере, никаких других проявлений чудесных способностей не было, хоть тресни. Он старался и так, и сяк… никакого результата. Ни ясновидения, ни телепатии, ни умения двигать взглядом предметы, ни волшебных превращений – ничего. И Нангавану захотелось проверить свой дар.

Поздно ночью, когда все члены общины уснули, он крадучись выскользнул из дому и поспешил в пещеру. Там он долго сидел, изо всех сил стараясь вообразить себе, как буквально из воздуха возникает кусок золота… Напрасно. Вокруг него на полу пещеры валялись обыкновенные камешки, даже отдаленно не похожие на желтый металл.

Нангаван похолодел. Судя по всему, Высший Разум разочаровался в нем и решил наказать недостойного. Зачем человеку способности, которые пугают его? Вместо того чтобы радоваться и благодарить провидение, он дрожит от ужаса, мучается и не спит ночами. Такой глупец не заслуживает внимания Высших Сил.

«Господи! – взмолился Нангаван, ползая по полу и судорожно перебирая камни. – Прости меня за мои сомнения! Я болван! Мне не хватило мудрости понять, чего я удостоился. Я искренне раскаиваюсь и умоляю вернуть чудесный дар! Клянусь, что сумею правильно распорядиться им!»

По щекам Нангавана текли слезы. Он уже забыл все свои страхи по поводу дьявольских проделок и мечтал только об одном – вернуть себе божественный дар.

Время либо остановилось, либо пролетело слишком быстро. Над горами затеплился хмурый рассвет. Нангаван, измученный и отчаявшийся, не заметил, как задремал.

По небу плыли сизые тучи. Моросил дождь. Весенняя сырость пробирала до костей, и Нангаван проснулся от холода. Было слышно, как по редким арчовым кустикам у входа в пещеру шуршат капли.

Становилось все светлее. Нангаван с трудом поднялся. Тело затекло, голова гудела, во рту ощущалась противная горечь. Сгорбившись и тяжело ступая, он побрел к выходу. И вдруг… среди камешков что-то блеснуло. Боясь поверить своим глазам, Нангаван встал на колени, нерешительно протянул дрожащую руку… На ладонь тепло лег маленький, похожий на фисташку, кусочек золота.

Учитель гнал от себя мысль, что камешком мог оказаться самородок, незамеченный им в прошлый раз. Нет! Только не это! Дух Горы сжалился над Нангаваном и вернул ему волшебную способность! Он снова имеет власть над золотом…

Возвращаясь в дом, Нангаван, сам того не желая, снова подумал о коварстве Сатаны. Разве тот не привык использовать в своих целях пороки людей? Алчность, например. Или гордыню.

«Ведь я хочу стать великим, – признался себе Нангаван. – Следовательно, я поддался греху гордыни».

Он опять запутался. Отступивший было страх охватил его с новой силой.

– Вдохните и представьте себе, что вы выдыхаете, – продолжал бубнить Нангаван. – Выдохните и представьте себе, что вы вдыхаете.

Он произносил эти слова машинально, они не мешали ему думать о своем. Например, о грехе или о *миссии,* которая так и оставалась непонятной ему.

– Учитель! Учитель! – завопил Хаким, вскакивая со своего места и возбужденно размахивая руками. – У меня получилось! Я смог!

Нангаван вздрогнул. Он не сразу сообразил, о чем идет речь.

– Я знаю! Я все понял! – продолжал вопить Хаким. – Я свободен! Я…

От избытка чувств у него перехватило горло. Остальные *гираваки* тоже повскакивали. Никто не понимал, что происходит. Наконец всеобщее волнение улеглось, и Хаким смог рассказать о своих ощущениях во время медитации.

– Я сидел и выполнял то, что говорил Учитель. И вдруг, непонятным образом, встал, расправил плечи и вздохнул полной грудью. В этот же самый момент я увидел, что мое тело продолжает сидеть в позе лотоса у моих ног…

– Тебе не показалось? – недоверчиво спросил Криш. – Анаша, гашиш, опиум… Может, ты чего-то накурился?

– Я не курю, – возмутился Хаким. – Тем более наркотики. С какой стати? Я сидел, медитировал, и…

– А сейчас ты тоже видишь свое тело со стороны? – перебил его Белкин.

– Сейчас? Нет…

Хаким растерянно замолчал.

– Почему?

– Ну… я полагаю, это было мимолетное ощущение. Я слишком обрадовался, вскочил и все испортил, – огорчился Хаким. – Но мне не показалось! Я в самом деле стал чем-то отдельным от своей плоти…

Нангаван не верил ушам. Судя по рассказу Хакима, тот получил просветление во время медитации. Сам гуру так долго медитировал, что успел разувериться в результате. Ему пришла в голову *миссия.* Может, это еще один полученный им божественный дар – способствовать просветлению духа?

На всякий случай он пока промолчал. Как же ему отрешиться от гнетущих сомнений? Они разъедают душу подобно червям, способным испортить любой, самый прекрасный плод.

Остаток дня прошел в обсуждении нового состояния Хакима. Все пришли в возбуждение. Привычный ход вещей был нарушен. Криш бродил по дому в глубокой задумчивости, Белкин непрерывно жевал орехи. Длинный Витек без конца протирал свои очки, то снимая их, то надевая обратно. И даже молчун Яков сказал по этому поводу пару слов.

– Завидую тебе, брат, – пробормотал он, обнимая Хакима. – Ты вдохновил всех нас. Какое счастье, что надежды сбываются!

Хаким же пребывал в состоянии эйфорического восторга. Что-то должно измениться. Просветление не дается просто так! За ним следуют еще более изумительные, потрясающие явления. Замирая в предвкушении неведомого счастливого будущего, Хаким уснул. И ему приснился странный сон. Как будто неизвестный голос позвал его куда-то.

– Ты должен найти его… – твердил голос.

– Кого? – не понял Хаким.

Голос затих на время… и зазвучал снова, теперь уже громче.

– Ищи его! Ты должен!

Повинуясь голосу, Хаким поднялся и, подобно лунатику, зашагал к выходу. У дверей он оглянулся на свое тело, которое неподвижно лежало, укрытое двумя шерстяными одеялами.

Ветер разогнал тучи, и на черном небе висела зловещая луна в мутном ореоле. Хаким брел наугад, послушный некоему внутреннему импульсу, который вел его вперед. Он не видел дороги и удивился, оказавшись у пещеры, где любил медитировать в одиночестве Учитель.

– Кто ты? – задал Хаким вопрос голосу. – И зачем привел меня сюда?

В ответ – тишина. Равнодушно мерцали далекие звезды. В лунном свете скалы казались уродливыми исполинами, обступившими маленького ничтожного человечка. Хаким хотел испугаться и не смог. Его эмоции притупились. Влекомый все тем же загадочным импульсом, он двинулся дальше…

– Ищи его! Он здесь, рядом! – приказал голос.

– Да что? Что я должен искать? – возмутился Хаким.

Он заметил, что идет совершенно бесшумно. Под его ногами ничего не похрустывает, не шуршит.

– Теперь сюда! – позвал голос, увлекая Хакима в отверстие между скалами. Игра света и тени делала эту узкую щель почти невидимой. – Ищи здесь!

Хаким попытался втиснуться в щель, и ему это удалось. «Настоящее тело ни за что не пролезло бы сюда», – подумал он.

Между скалами стояла непроглядная тьма.

– Мне ничего не видно, – успел пробормотать Хаким, и у него… открылось второе зрение.

Возможно, это именно так и называется. Он не знал, как сказать об этом более правильно. Темнота оставалась все такой же густой и вязкой, но глаза Хакима начали видеть. Внутри скальной щели поверхность была ребристой, покрытой множеством продольных углублений.

– Ты почти у цели! – сообщил голос.

Хаким стоял, не зная, что ему делать дальше. Он поворачивал голову, рассматривая углубления. Скалы казались зеленовато-голубыми в темноте, и Хаким отметил необычайную четкость рельефа. Одно из углублений показалось ему привлекательным. Рука сама потянулась туда, ощупывая шершавые стенки, пока не наткнулась на что-то гладкое.

– Ты нашел его! – радостно воскликнул голос, и… все пропало.

Хаким проснулся. Он лежал на своем жестком ложе и слышал храп толстяка Белкина.

– Белыч, черт тебя побери, опять рычишь, – проворчал Длинный, вставая в туалет.

Он выходил по малой нужде раза два-три за ночь. И по дороге обязательно будил толстяка, чтобы тот перестал храпеть. На несколько минут в комнате воцарялась тишина. Когда Длинный возвращался, Белкин уже снова выводил замысловатые рулады.

Хаким не смог заснуть до утра. Он лежал с открыты – ми глазами и вспоминал «ночное путешествие». Дорогу, залитую луной, скалы и узкую щель между ними… Все так ясно стояло у него перед глазами!

Когда жидкий рассвет полосами растекся по комнате, Хаким принял твердое решение пойти и проверить, существует ли на самом деле *тот проем в скалах.* Его рука еще хранила ощущение прикосновения к чему-то гладкому, не похожему на обычные камни…

Глава 3

Галактика Эол. Далекое прошлое

Долгие часы ожидания утомили Тэлла Элакриэна. Тяжесть навалилась на плечи. Утратив связь с Хелионом, он почувствовал себя забытым всеми. Впрочем, это скоро пройдет. Его одиночество закончится. «Этлон» – звездолет Тэлла – достигнет зоны, где станет возможной связь со станцией координации полетов Хелиона. Операторы станции всегда в курсе последних новостей, они владеют самой полной информацией обо всем, что может потребоваться пилотам.

Глядя в простирающиеся перед ним безмолвные дали Вселенной, Тэлл пытался уловить смысл ее молчания. Голографическое изображение точно воспроизводило картину ближнего космоса за бортом «Этлона» – гигантскую карусель звезд, словно между пилотом и космосом не было прочной, непроницаемой для излучений оболочки корабля.

Если бы кто-нибудь сейчас увидел Тэлла, то решил бы, что перед ним юный Бог, сидящий в облаке солнечного света и придирчиво оглядывающий свои творения. Его величественная фигура имела внушительные размеры. Лицо отличалось безупречным совершенством: высокий лоб, изысканная форма носа, красивые губы и особый разрез глаз. Сверкающий взгляд Тэлла завораживал. Гладкая, как зеркало, кожа с оттенком золота переливалась; короткие блестящие волосы ложились витыми прядями, оставляя лоб открытым. Пышное одеяние из яркой «атласной» материи, богато украшенное золотым орнаментом, напоминало «платье короля». Кто бы мог подумать, что перед ним простой пилот!

– Элакриэн, это Ари. Ты меня слышишь? Прервавшаяся связь возобновилась. Голос оператора казался взволнованным.

– Слышу, – без промедления ответил Тэлл.

– «Эрбор» обнаружен. Наши предположения оправдались, и скоро ты сможешь осмотреть его. Неизвестно, что там произошло. Будь осторожен.

– Я понял.

Речь шла о корабле, на котором Манфи в последний раз покинула Хелион и… пропала. Множество запросов, отправленных со станции на «Эрбор», оставались без ответа, долгие поиски не давали результатов. Время шло, а Манфи как в воду канула. И все же космические службы Хелиона упорно продолжали искать корабль. Их волновала судьба пилота.

«Эрбор» оказался совсем не в той части галактики, где ему следовало быть, согласно заданию, полученному Манфи.

На связь с Ари вышли ацтланы, загадочные для жителей Хелиона существа, люди-птицы. Они заметили в своей солнечной системе покинутый звездолет, похожий на корабли Хелиона. По описанию Ари узнал «Эрбор». Оператор получил от ацтланов изображение корабля, и последние сомнения рассеялись.

Завершая в космосе свою работу, Тэлл не раз задумывался о возвращении на Хелион. О том, что не увидит Манфи, не дождется ее из полета. Это повергало его в уныние. Теперь, когда он получил сообщение об «Эрборе», о возвращении на Хелион можно на время забыть.

«Наконец-то!» – мысленно воскликнул Элакриэн и занялся расшифровкой полученных данных. Он отключил голографический экран. Как по волшебству, картина космоса исчезла, и обстановка вокруг Тэлла мгновенно изменилась. Теперь его окружал роскошный интерьер, характерный для космических кораблей Хелиона.

Внутреннее убранство помещений «Этлона» поражало обилием предметов и богатством отделки. Нескольких круглых рабочих кабинетов, расположенных в центре корабля один над другим, видеобиблиотеки, кабина управления и зоны отдыха больше напоминали палаты дворца, нежели отсеки космического корабля. Задрапированные сверкающей тканью стены, ярко-красная мебель, хрустальные лифты. Их прозрачные кабины мгновенно и бесшумно доставляли пилота куда следует.

Корабли Хелиона напоминали огромные драгоценные дворцы, на сооружении которых не экономили. Космические суда должны обеспечивать максимальный комфорт и отвечать самым взыскательным требованиям пилотов и пассажиров.

На «Этлоне» пассажиров не было. Тэлл Элакриэн являлся единственным его обитателем.

В излюбленном им верхнем кабинете стояла скульптура большой черепахи, выполненная из золота в натуральную величину. Ее массивный рельефный панцирь был покрыт множеством замысловатых символов, изрезан концентрическими линиями разной толщины. Выпуклые янтарные глаза черепахи светились изнутри, словно живые. Тэллу никогда не надоедало любоваться ею. Черепаха напоминала ему Хелион, родной дом… и Манфи. Манфи любила забираться на черепаху верхом, делая вид, что едет. Как давно это было…

Большую часть времени Тэлл проводил в кабине управления, за компьютером. Расшифровав данные об «Эрборе», он попытался установить связь с кораблем. Запросы, отправленные им на бортовой компьютер «Эрбора», по – прежнему оставались без ответа.

Тэлл знал, что Манфи умерла.

Жители Хелиона не теряли связь с теми, кто по той или иной причине ушел из жизни. Существовал еще второй, незримый Хелион – астральный двойник их планеты, где среди красоты и роскоши пребывали души умерших. Когда они вновь вступали в жизнь, получая власть над телом, то не забывали о тонком мире, приютившем их на время. Увы, теперь многим приходилось слишком долго ждать своего часа. Некоторые успели потерять надежду обрести иную жизнь, привыкли к своим тонким телам и постепенно стали забывать мир твердых форм. Мысли беспрепятственно проникали туда и обратно, чтобы живые могли общаться с «мертвыми», и наоборот.

Тэлл знал – разлученные смертью влюбленные видятся в снах и могут обмениваться телепатическими потоками. Почему же с ним все иначе?

Множество раз Тэлл звал Манфи, умоляя ответить ему. Но все его усилия оказывались тщетными. Манфи безвозвратно канула, исчезла…

«Манфи, где же ты? – с горечью вопрошал он. – Почему ты не отвечаешь?! Почему покинула меня?»

В последнее время Элакриэн часто вспоминал огромный и величественный храм «Хели», где он и Манфи в знак любви обменялись золотыми браслетами. Как будто невысказанная мудрость, живущая в старых стенах храма, могла помочь ему вернуть утраченное счастье… Иногда Тэлл полностью погружался в прошлое. Он грезил и видел радостные глаза Манфи, ее чудесный наряд, ослепительные искры свадебных фейерверков. Полуденное солнце озаряло око гигантской золотой рыбы, украшавшей верхушку храма. Тэлл едва не таял в его лучах, ощущая, как их с Манфи чувства сплетаются, словно звуки одной мелодии.

Как много всего произошло с тех пор. Как много изменилось! Обитатели Хелиона переживали не лучшие времена. Их великолепные тела в значительной мере состояли из золота, которое по неизвестной причине начало истощаться. Цивилизацию ожидала гибель.

Элакриэну, как и другим пилотам, часто приходилось покидать свою планету в поисках золота. Оказалось, что этот благородный металл обладает разными свойствами в зависимости от того, под каким солнцем он родился. Не всякое золото могло спасти обитателей Хелиона.

Тэлл стал одним из лучших «космических странников» и приобрел ценный опыт, который считался достоянием всех хелионцев. Они умели почитать и хранить обретенные знания.

Их блистательная культура, несмотря на угрозу полного исчезновения, стала одной из самых великих в галактике Эол.

Манфи не нравилось подолгу ждать Тэлла из полетов. Она увлеклась той же страстью к открытиям и далеким звездам и стала пилотом. Тэлл и Манфи встречались все реже и реже, отчего их чувства особенно обострились. Как бы далеко друг от друга они ни находились, оба могли видеть на своих браслетах «звезду влюбленных» – лучистую зеленую точку, которая пульсировала в такт биению их сердец.

Элакриэн не мог даже предположить, что однажды традиционный свадебный подарок причинит ему такую боль. В сознании Тэлла накрепко запечатлелись минуты, когда он считал слабеющие удары сердца своей возлюбленной и знал, что ничем не может помочь ей. Он видел, как замер последний импульс, и «звезда влюбленных» на его браслете угасла…

Его сковала тяжелая, жуткая неподвижность. Тэлл не чувствовал, как катились слезы по его застывшему лицу.

Не верилось, что кто-то мог причинить вред Манфи, посмел разрушить ее тело, красота которого была достойна поклонения. Что теперь нигде во всей Вселенной больше не сияют ее чудные, дерзкие и нежные глаза…

Элакриэн ощущал себя пустым и холодным, как заброшенная планета, на которой нет ничего, кроме злого смертельного ветра. Жизнь померкла, подобно светилу, вся энергия которого растрачена напрасно. «Час судьбы…» – именно тогда впервые ему на ум пришла эта странная неоконченная мысль.

Воспоминания разбудили притаившуюся боль. Тэлл никак не мог сосредоточиться.

Чтобы добраться до указанного Ари участка галактики, ему понадобится преодолеть огромное расстояние. Именно ему, Тэллу, предстоит разобраться, что произошло с того момента, как исчезли «Эрбор» и Манфи.

Он не думал о том, что может увидеть на обнаруженном корабле, который столько времени «висел» в космосе, не подавая сигналов. Не гадал, кто или что погубило Манфи и теперь подстерегает там его? «Час судьбы» снова настал для Элакриэна.

– Именно я оказался ближе всех к «Эрбору»! – ли – ковал он. – Манфи! Манфи! Если бы ты могла меня услышать!

Тэлл готовился к долгим часам сна. Пока «Этлон» доставит своего пилота в нужное место, пройдет немало времени. Он выполнил все расчеты, установил режим работы бортового компьютера. Маленький таймер, встроенный в золотой перстень на его руке, начал отсчет минут, в бесконечном течении которых «Этлон» наберет нужную скорость и помчится куда следует. Оставалось занять место в камере пассивного присутствия и позволить сну завладеть умом и телом.

Никто из пилотов Хелиона не любил эту вынужденную меру. Лежа на мягкой поверхности внутри камеры, Тэлл чувствовал, как забытье медленно заволакивает его сознание… и вот он уже парит внутри большого светящегося шара, одинокий и ничем не владеющий. За порогом сознания раскрывал свои объятия океан безмолвия, окунувшись в который можно забыть все…

– Тэ-э-эл-л! Тэ-э-эл-л-л!

Голос Манфи встревожил и удивил его.

– Манфи? Ты здесь?

– Нет…

– Ради небес, где ты? Что с тобой?

– Не знаю… я ничего… не знаю…

– Манфи, где ты? – настойчиво повторял Тэлл. – Отзовись… откликнись… подай мне знак!

Он напряженно ожидал ее ответа. Его окружала все та же белая молочная пустота, которая иногда становилась прозрачной.

– Манфи, скажи мне хоть что-нибудь! – просил он.

– Я сама… я сама остановила свое сердце. Мне показалось… нет другого выхода. Но я ошиблась. Я ужасно ошиблась, Тэлл!..

Он почувствовал, что она плачет…

Планета Земля. Памир. Наше время

Инженер-геодезист Дрозд вполне оправдывал свою фамилию. Крупный, выдающийся вперед нос делал его похожим на птицу. За ним специально посылали военный вертолет, чтобы получить пояснения относительно взрыва.

Батыркулов не понимал, зачем это нужно.

– Вы понимаете, что такое геодезия, господин Багров? – раздраженно спрашивал он Марата.

Калитин, то бишь «эксперт Багров», толком не понимал. Но признаваться в своей некомпетентности не собирался. И задал встречный вопрос.

– Место для строительства туннеля выбирал он?

– Место для туннеля определяют геологические изыскания, – с трудом сдерживаясь, ответил Батыркулов. – Прикажете и геологов сюда вызвать?

– Не мешало бы…

– Ну, знаете ли! – взвился председатель комиссии. – Это уж слишком! При чем тут геологи и геодезисты? Какое они имеют отношение к взрыву? Вот если бы туннель просто обвалился, тогда конечно…

Марата забавляла его злость.

– Геологи были здешние? – как ни в чем не бывало поинтересовался он.

Батыркулов с шумом надул щеки. Однако посмотрел-таки по документам. Настырность Багрова и глупые вопросы, которые тот задавал, возмущали главу комиссии. Но… делать нечего: он получил строгое распоряжение оказывать москвичу всяческое содействие.

– Геологи приезжали из Москвы! – с изрядной долей ехидства сообщил он «эксперту». – Прикажете послать за ними?

«Багров» махнул рукой.

– Ладно, не стоит.

Ему вдруг пришла в голову мысль, что московские геологи тоже могут быть связаны с Ревиным. Наверняка это он посодействовал. Значит, место для туннеля выбрано не случайно. Над этим фактом придется подумать. Потом.

В любом деле Марат прислушивался к своей интуиции вместо того, чтобы слепо исполнять инструкции. Вот и сейчас у него возникло убеждение: не все так просто. Разгадка кроется не в конце, а в начале. Чтобы выяснить, кто и зачем устроил взрыв, надо понять, кто и зачем решил строить туннель именно здесь.

Беседуя с Дроздом, Марат пытался установить сей факт.

– Как вы думаете, по какой причине произошел взрыв? Может быть, террористический акт? Все же афганская граница рядом.

– Фигня все, – сердился геодезист. – Тут боевики сроду не появлялись. Потому как на этом участке вдоль границы непроходимые горы. Возьмите карту и посмотрите. Можно пограничников спросить, они вам то же самое скажут.

Марат уже изучил карту прилегающей местности и был полностью согласен с Дроздом. Просто он решил так построить беседу. Зайти издалека.

– С этим туннелем сразу возникли проблемы! – выпалил Дрозд. – Дохлое место…

– Что вы имеете в виду?

– Видите ли, каждый геодезист имеет свою ошибку глаза… но таких просчетов, как здесь, я давно не помню. Чертовщина какая-то! Этот туннель решили строить с двух сторон. Понимаете? Значит, должен быть стык…

– То есть?

– Ну, в определенном месте две проходческие бригады должны встретиться. А не вышло. Не встретились. Пришлось вносить поправки, то да се… Крику было! Паршин, начальник строительства, чуть меня не сожрал. Матерился, как последний грузчик! Но я делал все точно, голову даю на отсечение. Дрозд в геодезии не новичок. Меня вся страна знает.

– И все-таки ошиблись?

– Не знаю, как это объяснить. Длина проходки небольшая. Плевая длина. Для ориентирования подземной основы – оси туннеля – я использовал гирокомпас.[2] Он дает максимальную точность. Можно, конечно, отклониться, но не настолько же?!

– Вы полагаете, на гирокомпас что-то повлияло?

Дрозд долго молчал, смотрел мимо Марата вдаль, где в облачной дымке терялись очертания горной гряды. Потом тяжело вздохнул.

– Не знаю… Если скажу то, что думаю, вы меня за идиота примете. А врать не хочется. Не люблю я этого.

– Рискните, – улыбнулся Марат. – Вдруг встретите в моем лице единомышленника?

Инженер окинул «эксперта» недоверчивым взглядом.

– Меня и так считают алкашом и бабником. Не хватало еще заработать репутацию чокнутого.

– Вы правда бабник?

– Что мне остается делать, по-вашему? – усмехнулся Дрозд. – Вся моя жизнь проходит в командировках. Какая женщина станет терпеть такого мужика в доме? Я, между прочим, третий раз женат. И думаю, не последний.

– Курите?

Марат вытащил пачку сигарет, протянул геодезисту. Тот взял две штуки.

– Давно не баловался такими… Эх, житие мое бестолковое! Питаюсь всухомятку, сплю где попало, о горячем душе приходится только мечтать. Как тут без водки обойдешься?

Он зло пускал дым из ноздрей, молчал.

– Вы говорили что-то о гирокомпасе… – напомнил Марат.

– Да… Странное это место, – Дрозд повел рукой в воздухе. – Горы, туннель… и все прочее. Жутко мне здесь было. Я даже напился, когда уезжал.

– Почему жуткое?

– Чувствуется что – то этакое… худое. Как будто за то – бой постоянно наблюдают. Гирокомпас опять же… дал офигенную погрешность. Но ведь такого не бывает! Одним словом, я когда под землю спускался, не чаял выбраться поскорее. Вернее, даже не под землю, а внутрь горы… там сразу ледяная дрожь пробирала. Аж зубы стучали. Водка и та не помогала. Только вы не подумайте, будто я напивался на работе. Это потом, в вагончике… выпить и отрубиться, чтобы кошмары не мучили.

– Что вас пугало? – спросил Марат. – Может, видели что-то? Или слышали?

Дрозд покачал головой.

– Если конкретно, то ничего… Не могу я этого объяснить! Вот, например, идешь вдоль высоковольтной линии, и вокруг тебя воздух гудит, потрескивает. А ничего не видно. Поле… понимаете? Так и в туннеле. Сейчас, конечно, все по-другому: внутри горы полно народу, тех-

[2] Гирокомпас – гироскопический прибор для определения курса судна.

ники, свет проведен, вентиляция. И все же… многим там становится не по себе. Почему? Кто знает?

Марат понял, что инженер рассказал все. Дальнейшие расспросы ни к чему не приведут.

– Спасибо вам, – сказал он, вставая. – Вы мне очень помогли.

– Надеюсь, – усмехнулся Дрозд. – Из-за чего взрыв произошел, я понятия не имею. Только геодезия тут ни при чем.

После беседы с геодезистом Марат отправился в ки – шлак, где жили киношники. Надо было поговорить с Бахметом, но он решил сделать это завтра. Тем более что режиссер оставался в медпункте. Господин «Багров» заручился обещанием двух милиционеров, что Бахмет будет под строжайшим присмотром, завел мотоцикл и пустился в путь.

Горная дорога была ему не в новинку, а крутые повороты доставляли настоящее удовольствие. Солдаты из оцепления дважды проверяли у него документы, из чего Марат заключил, что подходы к туннелю под надежной охраной.

Кишлак лепился к горам, как птичьи гнезда. Стены домов в грязных потеках. Белить их будут позже, к лету. У дороги притулился к корявому дереву автобус. Видимо, транспортное средство съемочной группы. Один остался возле туннеля, а второй здесь.

Марат соскочил с мотоцикла и осмотрелся. Пожилая таджичка, переваливаясь, несла ведро с водой.

– Где тут живут приезжие из Москвы? – спросил Марат.

Она долго жевала губами, качала головой.

«Не понимает по-русски. Или глухая», – рассудил Кали тин и показал рукой на автобус. Женщина обрадованно кивнула, жестом показала, чтобы шел за ней. У большого забора она остановилась, переминаясь с ноги на ногу.

– Понял, – сказал Марат, улыбаясь как можно приветливее. – Спасибо.

Таджичка пошла дальше, а он толкнул калитку на ржавых петлях. На пороге дома стояла дородная тетка с платком на высокой прическе. Платок был яркий, в красных и желтых разводах. По двору лениво бродили овцы.

– Здравствуйте, – вежливо произнес Марат. – Я к вам. Из Москвы.

Женщина продолжала смотреть на него непонимающим взглядом. Он заметил, что ее глаза мокры от слез.

– Что-то случилось?

– Вы кто? – вместо ответа спросила она.

– Я к Ларисе Мельниковой, привез письмо от мужа. Могу я с ней поговорить?

– К Ларисе? – женщина чуть посторонилась, пропуская его в дом. – Меня зовут Глафира, – представилась она. – Мы живем вместе.

– Очень приятно, – слегка поклонился Марат. – Алексей Багров, знакомый Мельникова.

Он решил пока не представляться «экспертом». Люди будут чувствовать себя свободнее, глядишь, и расскажут что-то интересное.

Глафира повела его в комнату, забитую ящиками и одеждой.

– Это наша с Ларисой комната, – сказала она. – Садитесь на ящик, больше некуда. Здесь все инвентарь. Тесно, не повернешься. Я администратор, а Лариса – моя помощница.

Она замолчала и только шмыгала носом.

– Могу я…

– Чаю хотите? – перебила его Глафира.

– Не откажусь.

– Вам какой? Мы с Ларисой зеленый пьем.

– Давайте зеленый, – кивнул Марат.

Глафира шумно вздохнула, от чего ее пышная грудь соблазнительно всколыхнулась.

– Я сейчас…

– А где Лариса?

Из глаз администраторши хлынул такой поток слез, будто прорвало шлюзы.

– Нет ее., не-е-ет… – захлебываясь, рыдала Глафира. – Пропа-а-а-ла Лари-и-са… сгинула-а-а…

– Простите? – не понял Калитин. – То есть, как сгинула?

– И-исчезла она… Вчера еще была, а нынче… я проснулась… Ларисы не-е-ет…

Глава 4

Галактика Эол. Далекое прошлое

Элакриэн проснулся. Атмосфера «Этлона» вновь наполнилась драгоценной золотистой воздушной средой. Тяжело выплывая из забытья, Тэлл слышал гул машины, опускающей камеру. Когда та открылась, он все еще оставался неподвижным и безразличным ко всему. Таймер громко пищал, напоминая, что пилот должен полностью прийти в себя.

– Элакриэн, это Коэр, новый оператор. Как самочувствие?

С трудом пошевелившись, Тэлл шумно вздохнул.

– Слышу вздох. Как дела? Ты в порядке?

Коэр впервые сидел за операторским пультом и волновался, поэтому его голос звучал не слишком ободряюще. Стоявший рядом Ари, самый опытный оператор станции, понимающе улыбнулся. Однако и он чувствовал легкое волнение. Нельзя было допустить потерю еще одного пилота, еще одного жителя Хелиона, которых оставалось все меньше. Ни в коем случае!

– Все хорошо, Коэр, – отозвался Элакриэн.

– «Этлон» у цели. Мы видим у себя на экране твой корабль и «Эрбор», – поспешно сообщил оператор.

Пожалуй, слишком поспешно. Ари мягко положил руку на плечо помощника.

– Будь на связи, – уже спокойнее сказал новенький.

– Да, Коэр.

Наконец Элакриэн смог подняться и сесть в лифт, который мгновенно доставил его в кабину управления.

– Включи экран, – распорядился Тэлл, и бортовой компьютер «Этлона» тут же исполнил команду пилота.

Космос «ворвался» внутрь корабля.

«Вот он»… – мысленно отметил Элакриэн, увидев «Эрбор».

Его сердце болезненно сжалось. На фоне россыпи далеких звезд гладкое голубовато – зеленое тело «Эрбо – ра» казалось огромной застывшей глыбой льда.

Тэлл увидел на экране Теуатль – капризное солнце, которому поклоняются ацтланы, – и красный шар их планеты Ацтланики.

Коэр молчал. Ари заранее предупредил его о том, что важные сообщения не следует делать сразу после пробуждения пилота. Надо дать тому возможность самому охватить картину ближнего космоса и только потом уточнять обстановку. Сложная сеть удаленных спутников-наблюдателей обеспечивала операторам возможность видеть происходящее в любом заданном районе. Разумеется, в пределах их сектора галактики.

– Тэлл, тебе решать, как поступить с «Эрбором», – сказал Коэр, когда почувствовал, что время пришло.

Его слова нарушили тягостное молчание.

– Я понял.

Элакриэн переключил экран на режим плотного сканирования. Невидимые лучи пронизывали «Эрбор», позволяя видеть, что там внутри. Груз золота на борту корабля оказался нетронутым.

Манфи… Как ни старался, Тэлл не обнаружил никаких следов ее присутствия.

«Каким образом «Эрбор» мог оказаться здесь?» – удивлялся он.

Оставался еще один шанс узнать хоть что-то – просмотреть записи *кассиореса,* установленного на «Эрборе». Так назывался сверхчувствительный и точный прибор, в сердцевине которого жили своей особенной жизнью кристаллы. Они умели не только воспринимать и надежно хранить информацию, но еще общаться с пилотами и себе подобными прозрачными собратьями в аналогичных приборах. На близком расстоянии можно было осуществить связь между памятью кристаллов с обоих кораблей. Возможно, там хранится разгадка случившегося с Манфи.

Элакриэн обратился к *кассиоресу* «Этлона». Он потребовал установить связь с аналогом на «Эрборе», надел на голову специальный шлем-приемник и приготовился к сеансу трансляции запечатленных образов. Некоторое время он сидел с закрытыми глазами, сосредоточившись, пока не увидел внутренние помещения «Эрбора».

«Как темно! Плохо…» – мысленно отметил Тэлл.

Очень некстати он подумал о том, что «Эрбор» – корабль Манфи. В груди родилась тоска…

Элакриэн невольно открыл глаза. Он сидел в мягком кресле кабины управления и видел перед собой голографическую картину космоса. Связь между кристаллами обоих кораблей нарушилась. Рассердившись на себя, Элакриэн резко снял шлем и вскочил с кресла. Теперь надо начинать все сначала.

Подавив вспышку гнева, он сел на прежнее место, приготовился восстановить связь и закрыл глаза. Ему хотелось сохранить «Эрбор». Для него слишком дорого все, что связано с Манфи.

«Если бы я смог каким – то чудом включить бортовой компьютер «Эрбора», – думал он.

Тэлл снова увидел кабину управления «Эрбора». Яркая вспышка откинула его назад, расслабленное тело резко дернулось. Однако ему удалось сохранить спокойствие, и связь не прервалась.

– Кто здесь? – воскликнул Элакриэн и вспомнил, что он всего лишь наблюдатель, который просматривает память кристаллов.

Тэлл напряг все свое внимание, но не смог уловить никаких признаков постороннего присутствия на борту «Эрбора». Звездолет был необитаем. Вспышка, на которую среагировал Элакриэн, – всего лишь след уничтоженной памяти кристаллов. Сомнений больше не осталось: Манфи погубил чей-то злой умысел. Брошен вызов не только Тэллу, который любил ее всем своим страстным и нетерпеливым сердцем. Брошен вызов каждому жителю Хелиона.

Что он мог сделать? Виртуальное присутствие на «Эрборе» начинало угнетать его. Пожалуй, так он ничего не сможет предпринять.

«Я должен придумать способ оживить компьютер корабля Манфи», – решил Элакриэн.

Снимая шлем, он продолжал думать, как ему поступить. Он ужасно устал. Затекшее тело неприятно ныло. Глянув на табло отсчета времени, пилот почувствовал себя несколько сбитым с толку. Неужели сеанс виртуальной связи продолжался так долго?

Элакриэн понимал, что обязан принять решение. В таких случаях он использовал неписаное правило: думать о себе, как о постороннем, который мог попасть в похожую ситуацию. Он не должен ошибиться. Кроме того, Тэлл боялся упустить любую мелочь, способную натолкнуть его на догадку: что случилось с Манфи и почему «Эрбор» оказался рядом с Ацтланикой.

Первым побуждением Тэлла стало желание отправиться на «Эрбор» самому, осмотреть его как следует, наладить при помощи *кассиоресов* связь и восстановить в памяти компьютера информацию, необходимую для управления кораблем. «Этлон» и «Эрбор» были из одной серии, их устройство совпадало до мельчайших деталей.

– Воздушная среда «Этлона» на десять процентов ниже нормы, – любезно сообщил контролер режимов жизнеобеспечения.

Тэлл уже видел показания приборов и знал, что процент содержания золота в воздухе заметно упал. Значит, скоро он будет ощущать дискомфорт. Никто не мог знать, что «Этлон» пробудет в космосе намного дольше, чем планировалось.

Элакриэн потянулся к ажурной подставке, на которой стоял нюхательный прибор, взял его и несколько раз вдохнул мельчайший золотой порошок. По телу растеклось приятное тепло. Он отключил экран, вошел в лифт и поднялся в свой кабинет.

Огромная черепаха смотрела на него янтарными глазами. Тэлл сел на ее широкий панцирь и задумался. Могло оказаться, что на «Эрборе» выведено из строя что-нибудь еще, и тогда он рисковал попасть в затруднительное положение. Вдалеке от Хелиона он не мог рассчитывать на помощь. В случае неприятностей под угрозой окажется его жизнь и судьба обоих кораблей.

Тэлл прекрасно осознавал, что в данный момент ему стоит надеяться только на свои собственные силы. Решение пришло неожиданно. Он пошлет на «Эрбор» робота! Легкость, появившаяся вслед за тем, как его посетила эта мысль, свидетельствовала, что он поступает правильно.

Элакриэн нажал несколько клавиш на панцире черепахи, и правая стена кабинета раздвинулась. В нише за ней стояли три робота. Элакриэн крайне редко прибегал к их услугам. Своим видом они чем-то напоминали черепах: черные и гладкие фигуры с оболочками-панцирями на спине, сложив перед собой четыре манипулятора, ожидали приказаний. Их глаза светились тем же янтарным огнем, что и глаза золотой черепахи в кабинете Тэлла. Роботы могли выполнять множество функций; они подчинялись не только сигналам, но и голосовым командам. Любой из роботов, находясь в подчинении главного бортового компьютера, мог справиться с управлением кораблем и заменить пилота.

«Медлить незачем», – подумал Тэлл, принимаясь за работу.

В нижних помещениях «Этлона» золотистая среда была не столь насыщенной, как в верхнем ярусе корабля, где пилот проводил много времени. Процент ее пригодности упал недопустимо низко. Элакриэн испытывал легкую слабость и периодически вдыхал золотистый порошок. Подготовкой челнока – небольшого летательного аппарата, которых на борту «Этлона» имелось пять, – занимался робот. Тэлл проверял точность его реакций. Он так увлекся, что забыл обо всем, кроме работы. Впервые за долгое время он был почти счастлив.

Находясь в сильном возбуждении, Элакриэн забывал вдыхать порошок. Он перестал замечать слабость. Иногда мысль о том, что он плохо заботится о своем теле, приходила ему на ум и вызывала легкое чувство вины. Но Тэллу некогда было заострять на этом внимание. Он спешил.

Наконец робот сообщил, что все готово к перелету на «Эрбор».

Элакриэн с трудом добрался до лифта и вдохнул полной грудью насыщенный золотом воздух. Ощутив головокружение, он прислонился к хрустальной стенке. Лифт почти мгновенно доставил пилота в кабину управления. Тэлл сел в удобное кресло и расслабился, медленно приходя в себя.

Таймер в его перстне отсчитывал время, отпущенное им самому себе на короткий отдых. Перед глазами возникла густая тьма. Пилот провалился в тревожный сон, из которого его вывел пронзительный писк таймера.

– Пора отправлять челнок!

Элакриэн даже не заметил, что думает вслух. Включилась связь со станцией Хелиона.

– Тэлл, как дела?

Взволнованный голос оператора окончательно привел пилота в чувство.

– Очень устал, – признался Элакриэн. – Челнок с роботом на борту готов к отправке на «Эрбор». В моем воздухе низкая концентрация золота. Среда истощается, а резерв исчерпан.

– Плохо, – огорчился Коэр. – Постарайся ускорить работы. По нашим расчетам, арумия[3] должно хватить. Увы, ты не сможешь позволить себе камеру пассивного присутствия, но крепкий сон, когда оба корабля лягут на курс к Хелиону, будет вполне уместен.

– Да, Коэр. Я тебя понял.

Тэлл отдал компьютеру приказ использовать последнюю порцию дыхательной смеси. Золотистая среда кабины управления снова стала комфортной.

Челнок стартовал и благополучно достиг «Эрбора». Долгие часы, проведенные за работой, пролетали незаметно для Тэлла. Наконец все наладилось. Робот, подчиненный командам главного бортового компьютера «Этлона», принял управление кораблем Манфи.

Оба корабля, увеличивая скорость, возвращались на Хелион – планету мудрых и высокоразвитых существ, которым осталось сделать всего несколько решающих шагов для постижения самых сокровенных тайн Вселенной.

Теперь Элакриэн мог позволить себе отдых. Он вернулся в свой кабинет, опустился на мягкое ложе и закрыл глаза. Он думал о Манфи…

Планета Земля, Памир. Наше время

Снежные шапки гор, залитые полуденным солнцем, выглядели сказочно. Илья Вересов нигде больше не видел такой сверкающей белизны и ярко-синего неба.

– Хочу домой, в Москву, – заунывно бубнил Голдин. – Надоело все. Вокруг одни маразматики…

Они сидели на большом гладком камне и разговаривали.

– Ты посмотри, красота какая! – говорил ему Илья. – А что в Москве? Дома, асфальт, выхлопные газы… и повсюду люди суетятся, как муравьи.

Но Голдин упрямо твердил свое.

– Чем горы-то лучше? Камни, скалы, ледники, ветер. И пустота… Как можно это любить?

– Эх, Жека! Ничего-то ты не понимаешь! – вздохнул Вересов.

– Хочу в Москву…

– Ну, черт с тобой, езжай. Силой тебя здесь держать никто не будет.

К ним подбежал запыхавшийся Саворский.

– Ребята! В туннеле взрыв! Сегодня база связывалась со строителями… Вот.

Илья некоторое время молча смотрел на него. Смысл сказанного не доходил до его сознания. Первым опомнился Голдин.

– Как взрыв? Почему? – удивился он. – Обвал, что ли?

Кострома пожал плечами.

– Никто пока не знает. Может, террористический акт. Комиссия нагрянула из Душанбе. Военных нагнали, ментов…

– Жертвы есть? – спросил Вересов.

– Говорят, есть. Предположительно два человека.

– Вот что, Жека. Никуда ты не поедешь, – Илья повернулся к Голдину. – Во всяком случае ни сегодня, ни завтра. Дороги наверняка оцеплены. Думаю, скоро спецы и здесь появятся. Будут всех расспрашивать. Кто что видел, слышал?

Голдин подпрыгнул от возмущения.

– А я при чем? Откуда я знаю про взрыв? Чего меня расспрашивать?

– Как чего? – усмехнулся Вересов. – Вот ты откуда здесь появился? Чем занимаешься? От нашей базы до строительства рукой подать.

– Я… из общины.

---

[3] Арумий – фантастическое название насыщенной золотом воздушной смеси для дыхания.

– Это ты так говоришь. Может, ты диверсант! Заложил взрывчатку в туннеле, потом убежать хотел. Но не повезло. Попался в капкан!

Он оглушительно захохотал.

– Маразм! – завопил Голдин. – Ты, Илья, издеваешься надо мной! Зачем бы я тогда около лагеря крутился, если я диверсант? Я бы другую дорогу нашел.

– Так ведь ты не знал, что завхоз капканы расставил.

У Голдина был такой растерянный вид, что Кострома не выдержал и тоже засмеялся.

– Да ну вас! – обиделся Женя. – Нашли чем развлекаться. Разводняк устроили… Там несчастье, люди погибли, а вы…

Но Вересов уже его не слушал. Он думал о золоте. Маркова увезли в ближайшую больницу. О найденном в его рюкзаке самородке знали только он и Саня Аксельрод. Говорить об этом при опросе или не говорить? С одной стороны, золото не имеет отношения к взрыву в туннеле, а с другой… Кто знает?

– Надо нашим сообщить, – сказал он. – Потапенко и Аксельроду. Пусть спускаются сюда, в лагерь. Иди, Кострома, попроси, чтобы на следующем сеансе связи им обязательно передали. Нам все равно придется тут задержаться.

– На сколько?

– Не знаю. А у них продукты кончаются.

Саворский нехотя поплелся к большой палатке, где находилась радиостанция.

– Почему мне так не везет? – сокрушался Голдин. – Жена с негром убежала, с работы уволили, денег нет, мать пилит днями и ночами! Хотел в горах спрятаться. И не вышло! Такие маразматики собрались в этой типа общине, что легче повеситься, чем с ними сутки провести. Что за жизнь?! А?

Вересов поскреб заросший подбородок и улыбнулся.

– Нет, ты послушай, – не унимался Женя. – Решил я убежать от них, так поди ж ты! В капкан угодил! Хорошо, что вы рядом оказались. Вот скажи, Илья, кто-нибудь из ребят попадался в завхозовы капканы?

– Ну… вроде нет.

– Вот! – он многозначительно поднял кверху указательный палец. – То-то и оно! А я сразу напоролся. Чуть ногу не потерял.

– Не преувеличивай, – засмеялся Вересов. – Строишь из себя мученика. У нас вон Марков в расщелину свалился, ногу сломал, ребра повредил. Всякое бывает.

Женя обхватил голову руками и застонал.

– Не-е-ет… Это совсем другое. У людей случайности происходят, а у меня – закономерности. Понимаешь, в чем разница? Не успел я домой собраться, в Москву, как на тебе! Взрыв в туннеле! Ни много ни мало. И сиди теперь, дорогой Женя, кукуй здесь до второго пришествия. Скажешь, это нормально?

Вересов задумался.

– Знаешь, Жека, нам в этом походе тоже не везет. Прямо рок какой-то преследует. Гоша травму получил, перед этим… он банки консервные распотрошил. Зачем, спрашивается. Говорит, мол, его голос какой-то заставил. Наверное, глюки, горная болезнь. Потом мы под камнепад попали. Чудом живы остались. Не ты один пострадал.

И это Илья еще не упомянул ни о самородке, ни о мертвеце, который в горах свалился к ним вместе со снегом. А потом таинственно исчез.

Но Голдин был твердо убежден в своем первенстве по части неудач.

– Все равно… – твердил он. – Вам до меня далеко. Ты со своей Варькой живешь еще?

– Сам не знаю. Наверное, нет. Ушел я от нее.

– Вот видишь! – обрадовался Женя. – Ты сам ушел. Поэтому тебе не обидно. А моя… да что говорить! – он сердито махнул рукой. – Ты в другой раз жениться будешь?

Илья пожал плечами. О женитьбе он не думал. Голдин истолковал его жест по-своему.

– Правильно. Не знаешь. Значит, у тебя еще есть шанс. Зато мне жениться нипочем нельзя! Обязательно стерва попадется. Хоть во второй раз, хоть в пятый. Я вообще с бабами больше связываться не буду. От них запросто с ума сойдешь! Придется с мамашей жить. Бобылем.

– С мамашей тоже неплохо, – согласился Вересов. Они замолчали и думали каждый о своем.

– Когда спецы приедут? – не выдержал Женя. – Что же, мы должны сидеть и ждать?

– Что еще делать? Ждать, конечно. Может, они до нас к вечеру доберутся, а может… прямо сейчас.

– Маразм!

– Ладно, не кипятись. Куда тебе спешить?

После обеда в лагерь явились два милиционера, голодные, грязные и злые. Они приехали на мотоцикле, который им пришлось оставить внизу у дороги.

– К вам не доберешься. Чуть ноги не поломали.

Приезжие поговорили с каждым по отдельности и попросили дня два-три никуда не отлучаться.

Спрашивали они у всех одно и то же. Не видел ли кто в горах посторонних и отлучался ли кто-нибудь из лагеря в прошедшие трое суток. Посторонних никто не видел. А отлучился только один человек – Гоша Марков, которого отправили в больницу.

Милиционеры жутко устали. Они задавали свои вопросы только по обязанности. Вересов не заметил ни у одного из них хотя бы искорки интереса. Поэтому сказал то же, что и все.

Стражи порядка покинули лагерь уже в сумерках.

– Что ж ты им про голуб-явана не рассказал? – потешались альпинисты над завхозом. – Надо было доложить, сколько он у тебя банок с консервами выпотрошил.

Тот добродушно огрызался.

– Отстаньте, черти! Хотите из меня посмешище сделать?

– Какой тут смех? Тут самое настоящее хищение. Сколько ты орал на всех? Пусть бы спецы разбирались. И про капканы надо было рассказать. Может, они бы у тебя опыт переняли.

Капканы и консервные банки стали гвоздем программы за ужином, который сопровождался оглушительными взрывами хохота.

– Хватит вам зубы скалить, – возмущался завхоз. – Дурачье! Что вы жрать будете, если я это дело пущу на самотек? Я отвечаю за продукты. Вам лишь бы посмеяться, а у меня – ответственность.

Илья промолчал о своих предположениях насчет завхоза и банок. Если это его рук дело, вряд ли он помнит. Разве что какая-нибудь встряска, как у Маркова, случится. Странно устроен человеческий мозг.

Ночью, лежа без сна, Вересов думал о золоте. Правильно ли он поступил, что промолчал? Но… его ведь о самородке никто не спрашивал.

– Илья… – Голдину тоже не спалось. – О чем ты думаешь?

– Ни о чем.

– Наверное, Варьку свою вспоминаешь? Вересов презрительно фыркнул.

– Делать мне нечего!

– Она у тебя красивая… Слушай, сколько ты можешь без женщины обходиться?

– Сколько надо, столько и могу.

– Врешь!

– Да спи ты! – рассердился Илья. – Исповедник! Но Голдин ничуть не испугался.

– Знаешь, что мне пришло в голову? Я только сейчас вспомнил… У нас в общине говорили про взрыв в туннеле. Точно. Как раз накануне моего бегства. Они вечно всякую чушь несли.

– Какую чушь?

– Ну… там же это… кино снимали. Как раз про взрыв. Специально из Москвы приехали. Чтобы все было точь-в-точь… по-настоящему, блин.

– Ты откуда знаешь? – насторожился Вересов.

В его памяти возникла женщина, набирающая воду из ручья. Она тоже говорила о фильме. Съемочная группа приехала из Москвы снимать катастрофу в туннеле. Как он мог забыть?

– У нас Витек очкастый, по прозвищу Длинный, соль рассыпал, – хихикнул Женя. – Пришлось ему к строителям топать.

– Зачем?

– Так за солью же! До них он, правда, не дошел. Соль ему тут дали, в вашем лагере.

– А-а! Он мне еще о тебе рассказал. Высокий такой, тощий…

Вересов живо вспомнил долговязого парня, которого они с Костромой привели в лагерь. Черт, как он мог выпустить это из виду?

– Длинный разболтал нашим про туннель, про кино. Те сразу всполошились. Давай спорить, наезжать друг на друга…

– Постой… ты же говоришь, он до строителей не добрался. Откуда ему стало известно…

– Ему про съемки тут сказали, – перебил Голдин. – У вас в лагере.

– Понятно. А почему в общине разволновались?

– Так они же с приветом. Те еще маразматики! Выдумывают, что ни попадя. Такого нормальному человеку в голову не придет. В общем… они там считают, будто мысли материальны. И что если в туннеле снимать кино про взрыв, то… может произойти настоящий взрыв. Представляешь?…

Глава 5

Москва

Машенька Ревина еще больше похудела. Ее мышиное личико неестественно заострилось, ключицы торчали, а ноги и руки превратились в тростинки.

– Я ужасно выгляжу, да? – спросила она, перехватив взгляд Ангелины Львовны. – Ладно, можешь не говорить, я и так знаю. Аппетита нет, сон пропал, все на нервах… Красота улетучилась.

Она истерически засмеялась.

– Хочешь кофе?

Профессиональный опыт подсказал доктору Закревской единственно правильный выход в данной ситуации: пока не разыгралась истерика, переключить внимание Машеньки на что-то другое.

За кофе беседа перешла в более спокойное русло.

– Мне нравится твой офис, – сказала Ревина, оглядываясь по сторонам. – Он у вас один на двоих?

– Да. Олег Самойленко – мой компаньон. Или партнер. Как правильно?

Машенька смешно наморщила носик.

– Откуда я знаю? Это Ревин – крутой бизнесмен. А я так… домохозяйка. – Она скорчила гримаску, будто собиралась чихнуть, и вдруг заплакала. – Что я говорю? Он ведь ушел от меня. Забрал вещи и ушел.

– Вы что, поссорились?

– Ага. Поскандалили… Знаешь, из-за чего? К нам на квартиру стали звонить какие-то люди и угрожать. Мол, если Данила не одумается, то… Ну, ты понимаешь. Я жутко испугалась! Смешно было надеяться, что все эти штуки с деньгами фирмы пройдут безнаказанно. Холмогоров меня предупреждал.

– Ты рассказала Ревину о звонках? Машенька шумно высморкалась и вздохнула.

– Конечно. Только он, как всегда, отмахнулся. Не лезь, говорит, в мои дела. Тебя это не касается. Как же не касается?! Ведь его убьют, дурака такого! – она снова заплакала. – Камикадзе чертов! И зачем я только за него выходила? Жила бы себе спокойно… Помнишь, мне Гриша Мазуров предложение делал? Была бы сейчас «королевой бензоколонок».

– Кем?

– «Королевой бензоколонок», – улыбнулась сквозь слезы Ревина. – Гриша занимается нефтью и бензином. Очень успешно, между прочим.

Закревская вспомнила упитанного белобрысого паренька, который среди одноклассников ничем особо не выделялся. Кто бы мог подумать, что он так пойдет в гору.

– Разве Гриша ухаживал за тобой?

У Машеньки вмиг просохли глаза. Когда она говорила о своих поклонниках, то вся преображалась. Лицо ее начинало светиться, щеки розовели, а зрачки становились огромными, как у кошки.

– С пятого класса. Ты что, не замечала? Ой, Геля, ты из-за своей зубрежки ничего вокруг не видела.

Ангелина Львовна не обиделась. Во-первых, подруга была абсолютно права, а во-вторых, обижаться глупо.

– Что правда, то правда, – согласилась она. – Кроме учебы и книг меня ничего не интересовало.

Они еще немного поболтали об одноклассниках. Кто на ком женился, кто кем стал, у кого как судьба сложилась. Потом разговор снова вернулся к Ревину.

– За мной мальчишки стаями бегали, – смеялась Маша. – Хоть я и худющая была, как вобла сушеная, и в детстве, и в юности. Но всегда имела успех. И Ревин за мной бегал. А потом… будто с цепи сорвался. Вот ты мне объясни, как врач, что это с людьми делается? Отчего они становятся бешеные?

– По разным причинам.

По лицу Машеньки пробежала тень.

– Не знаю, что за причины такие. Чего моему Даниле не хватало? Он ведь всего достиг, всего добился. И денег, и положения в обществе. У нас же все есть, – шикарная квартира, машина, дача! Отдыхать ездили, куда хотели, покупали, что хотели. Ну, чего еще человеку надо?

– Человек, Маша, сам себя до поры не знает. И своих желаний тоже. Они ему или открываются, или…

– И ты туда же! – взорвалась Ревина. – Вокруг люди как люди – живут, развлекаются, ходят в гости. А некоторые вообразили бог знает что. Себя путают, других путают… Я Даниле говорю: «Ты доиграешься, что нас обоих прикончат. И все! Пышные похороны. Разве мы об этом мечтали, когда женились?» Он посмотрел на меня, как на полоумную. У меня аж мороз по коже пошел. И заявляет: «Мы с тобой, Маша, совершенно чужие люди. Между нами пропасть. Самое лучшее, что ты можешь сделать, это забыть меня. Вычеркнуть из своей жизни». Я реву как белуга, а он… вещи собирает. Скотина!

Она громко зарыдала, уронив голову на руки.

– Скотина! Скотина…

Ангелина Львовна встала и накапала ей валерьянки в стакан с водой.

– На, выпей и успокойся. Слезами делу не поможешь.

Машенька взяла стакан дрожащей рукой, выпила. Магический шар стоял напротив нее – холодный, прозрачный и равнодушный, хотя за окном вовсю светило апрельское солнце. Ангелина Львовна вспомнила, каким он становился при Ревине: золотистое сияние зарождалось в его сердцевине и переливалось, не достигая поверхности. Интересно, это действительно так или имел место обыкновенный обман зрения? Хотелось бы проверить. Судя по реакции шара, Машенька и ее супруг в самом деле люди разные.

Госпожа Ревина немного успокоилась.

– Данилу вчера чуть не убили, – сказала она. – Снайпер. Ревин как раз выходил из банка. Мне Холмогоров позвонил, рассказал… Представляешь, до чего дело дошло? В Москве покушения на бизнесменов не редкость, но… каждый надеется, что чаша сия минует его. И мы с Данилой так думали. А вчера…

Слезы снова полились из ее глаз. Уже не черные, как раньше, а самые обыкновенные, потому что «несмываемая» французская тушь давно смылась.

– Как это случилось?

– Да как всегда. Данила вышел, и тут у него из кармана что-то выпало, то ли портмоне, то ли…телефон. В общем, не знаю. Он внезапно наклонился, и пуля попала в охранника. Прямо в лоб. Все бросились кто куда… но разве от снайпера спрячешься? Только он больше стрелять не стал.

– Ужас…

– Думаешь, Ревина это испугало? Поехал, как ни в чем не бывало, по своим делам! Даже не напился. Я сдуру решила, что у него нервный срыв, депрессия… Ничего подобного. Звоню вечером ему в гостиницу, спрашиваю, мол, как ты? Может, мне приехать? А он… смеется.

Я, говорит, все выполнил, что мне было положено, и терять в этой жизни мне нечего. Так и заявил. Псих!

– Тебе надо уехать куда-нибудь, – посоветовала Закревская. – К родителям, например.

– Только не это. У мамы сердце слабое. Я и так за нее боюсь. Если в новостях про Данилу передадут… Ой, лучше не думать! Она ужасно за нас переживает. Ей Данила по душе пришелся. Она его как сына любит.

– Все равно. Одной тебе в квартире оставаться нельзя.

Машенька кивнула.

– Я к подруге переехала. В Болшево. Там спокойно… Лес, птички поют.

Ангелина Львовна, как могла, успокаивала Ревину. Та наконец устала от слез и жалоб, засобиралась домой.

– Вызову такси, – сказала она. – Я нашей машиной не пользуюсь. Боюсь. Вдруг бомбу подложат? О господи, спаси и помилуй…

Она неумело перекрестилась, достала из сумочки сигареты.

– Много куришь? – спросила Закревская.

– Пачки на день не хватает…

Подъехало такси. Закревская вышла на улицу вместе с Машей. Апрель покрыл Москву тончайшей зеленоватой дымкой. Из-под прошлогодней травы вылезли желтые цветочки мать-и-мачехи. Солнце высушило асфальт.

– Весна… – радостно вздохнула Ангелина Львовна. – У метро продают фиалки и тюльпаны. Любишь тюльпаны?

Госпожа Ревина посмотрела на нее, как на блаженную. Неужели кто-то может радоваться жизни, когда у нее такое несчастье? Семейная драма разбила ее сердце, и весенние запахи, краски и звуки вызывали у нее глухое раздражение. Весна несла с собой новое, а Машенька оплакивала старое. Она чувствовала невыносимую тоску, сменяющуюся страхом. Это был страх перед будущим без Ревина, без его денег, без привычного комфорта и достатка, без мужского внимания, наконец. Как он посмел? Она могла прекрасно устроиться, выйдя замуж за того же Мазурова! И теперь не курила бы по пачке сигарет в день и не принимала бы на ночь снотворное. Жила бы себе в свое удовольствие…

Подъехало такси, и Машенька села в него, все также погруженная в обиду на себя, доверчивую и глупую, на Ревина, на школьную подругу Гелю и на весь белый свет. Даже весна ее не развлекала, а, напротив, была ее врагом. Вся эта прелесть просыпающейся природы заставляла ее сердце обливаться кровью. Госпожа Ревина вдруг в один миг потеряла опору в жизни, которую считала незыблемой. Она страдала, и все должны были страдать вместе с ней.

«Теперь мне придется искать работу, – подумала Машенька и залилась слезами. – Неизвестно, захочет ли Ревин помогать мне деньгами. Да и будут ли у него самого средства к существованию?»

Это казалось ей ужасно несправедливым. Ее диплом филолога валялся где-то у родителей. Машенька не допускала мысли, что он может когда-нибудь ей понадобиться. А профессиональные навыки? Она их не имеет. Все, чему ее пять лет учили в университете, давно вылетело из головы. Теперь она не сможет работать даже учительницей в школе.

«Мужчины – предатели по своей сути, – с горечью думала госпожа Ревина. – На них нельзя рассчитывать. Взять хотя бы Холмогорова. Когда у нее с Данилой было все хорошо, Геннадий Алексеевич настойчиво оказывал ей знаки внимания. Зато сейчас и не смотрит в ее сторону. Будучи состоятельной дамой, женой преуспевающего бизнесмена, она вызывала у него интерес, а без Ревина стала не нужна. Выходит, что сама по себе она никто – нищая, пустая, отвергнутая женщина».

– Почему я такая невезучая? – в отчаянии прошептала Машенька, давясь слезами.

– Что? – спросил таксист, оборачиваясь.

– Нет-нет, ничего…

Он деликатно промолчал и включил музыку.

Знакомые песни казались госпоже Ревиной отзвуками прошлого, которое ушло навсегда. Невозможно вернуть юность, нетерпение любви, радужные надежды, желание жить дальше…

Выехали за кольцевую. За окнами такси мелькали березовые рощи, едва тронутые зеленью, мутные речушки с унылыми берегами, покрытые ржавой хвоей обочины, темные елки, пласты грязного снега в тени между стволов. И над всем этим невыносимо сияло яркое, лихорадочное солнце. Господи, какая тоска! Машенька вдруг осознала, почему большинство самоубийств случается именно весной. Слишком сильна разница между пустотой в душе и дыханием новой жизни, которая таит в себе новые обещания. Им невозможно поверить. Они уже один раз обманули и обманут снова…

Машенька отчетливо представила себе, как она входит в свою комнату, открывает шкаф, достает снотворное, высыпает на ладонь все таблетки и с наслаждением, с радостью глотает их, запивая минеральной водой. А потом ложится на кровать, под пуховое одеяло, и засыпает. Чтобы никогда не проснуться. Какое блаженство! Не нужно больше ни о чем думать, ничего решать. Не нужны деньги, работа, мужчины… Ничего никому не нужно объяснять…

– Приехали! – сказал таксист, грубо вторгаясь в ее сладкие грезы. – Вам помочь?

– Не надо…

Машенька протянула ему смятую купюру и, пошатываясь, побрела к дому…

Памир

Глафира оказалась женщиной обстоятельной, не теряющей самообладания в самых сложных ситуациях. Она была страшно расстроена, но все же накормила гостя ужином, напоила чаем и приготовила ему чистую постель.

– Ночуйте здесь, с нами, – предложила она. – Скоро совсем стемнеет. Куда идти?

Марат представился членам съемочной группы Алексеем Багровым, знакомым Мельниковых. Его вполне устраивало оказанное гостеприимство. Находясь среди киношников, он сможет узнать больше подробностей.

– Расскажите мне, как пропала Лариса, – попросил он. – Ее муж очень волнуется.

– Но… откуда он мог узнать? – удивилась администраторша. – Мы сами только сегодня утром обнаружили, что Ларисы нет. Никто еще никуда не сообщал. Мы искали ее… Потом пришел старик-хозяин и рассказал о взрыве в туннеле. Здесь в горах – своя «голубиная почта». Слухи разносятся довольно быстро. Все так перепуталось! То Бахмет пропал, теперь вот Мельникова… Да еще взрыв в придачу. Что за напасть такая?

Глафира несколько раз шмыгнула носом, но сдержала готовые хлынуть слезы.

– С остальными хоть все в порядке? – спросил Марат.

Она кивнула.

– Борис с каскадерами взяли автобус и поехали к туннелю искать Бахмета. Это наш режиссер. К счастью, все обошлось. Оказывается, он просто заблудился. Скалы… незнакомая местность… Понимаете? Может быть, и Лариса найдется?

– Кто обнаружил, что Ларисы нет?

– Я и обнаружила. Встала утром, а… ее нет. Сначала ничего плохого мне в голову не пришло. Мало ли? Человек в туалет вышел или по воду к ручью. Потом… тревожно стало. Час прошел, а ее нет. Глянула – ведра для воды на месте и туалет пустой. Все спят еще. Мы с Ларисой раньше всех вставали. Воды принести, завтрак приготовить – это наша обязанность. Ну, думаю, влюбилась девка! Загулялась, замечталась…

– Почему именно влюбилась?

– Как же! – улыбнулась Глафира. – У них с инженером Изотовым…

Она осеклась и испуганно уставилась на гостя. Перед ней сидит друг Мельникова, а она болтает всякое. Так можно запросто мужа с женой поссорить. Ах, несдержанный язык!

– Вы не бойтесь, – успокаивающе произнес Марат. – Я Мельникову ничего не скажу. Сейчас самое главное – найти Ларису. Все прочее… как-нибудь уладится.

Администраторша не очень ему поверила, но последний довод сочла убедительным. Сначала надо найти Ларису.

– Я ничего не знаю, – смутилась она. – Так… предполагаю, что у них с Изотовым возникла симпатия друг к другу. Лариса женщина интеллигентная, романтичная… Могла пойти погулять, на рассвет полюбоваться, помечтать. Поэтому я панику раньше времени поднимать не стала. Сама принесла воду, чайник поставила и начала кашу варить. А Ларисы все нет и нет. Тут уж я забеспокоилась. Ребята проснулись, я сразу к ним. Одевайтесь, говорю, живее, надо Мельникову искать. Может, оступилась где, упала, ногу подвернула. Горы ведь! Тропки крутые, каменистые. Всякое могло случиться. Ну, они быстренько собрались и пошли. В кишлаке Ларису никто не видел. Дома далеко разбросаны, – потеряться легче легкого. Ребята с ног сбились, но нигде поблизости ее не оказалось. Искали до обеда. Вернулись голодные, злые. «Нет твоей Мельниковой! – говорят. – Испарилась». Поели молча и снова пошли искать. Только все напрасно.

– Что вы-то думаете? Куда могла деться Лариса? Администраторша пожала плечами.

– Ума не приложу. Такая смирная, ладная девка… на нее это не похоже.

– Что не похоже?

– Уйти и никого не предупредить! – рассердилась Глафира. – Уж мне бы она сказала, если тайное свидание или еще что.

Марат знал, что Изотов со стройки никуда не отлучался, все время был на виду. И до взрыва, и после. Но… может быть, у Мельниковой были еще поклонники? Из съемочной группы, например. Или из местных?

Администраторша все его предположения решительно опровергла.

– Лариса – баба простая. Она хитрить, интриги плести не умеет. У нее все на лице написано.

– Допустим, – согласился Марат. – В таком случае где же она?

Глафира не выдержала и заплакала.

– Не знаю… – всхлипывала она. – Ребята говорят, голуб-яван задрал. Больше ей деваться некуда.

– Голуб-яван? Это еще кто?

– Снежный человек… Он огромного роста и очень свирепый. Таджики, которые живут в кишлаке, жутко его боятся.

– Вы серьезно? – удивился Марат. Байки про снежного человека он и раньше слышал, даже в книжках читал. Но чтобы вот так наяву столкнуться… – Полагаете, он ее прямо с одеждой проглотил?

– А что ему стоит? Чудовище! – охотно подтвердила Глафира. – Это же монстр!

– По-моему, вы «ужасов» насмотрелись по телевизору.

– Я знала, что вы мне не поверите, – обиделась администраторша. – Зачем тогда спрашивать?

Марат постарался сгладить неловкость.

– Кто-нибудь его видел, этого снежного человека? – как можно серьезнее спросил он. – Воочию, а не понаслышке?

– Говорят, видели… И местные, и наши. Ночью, когда луна всходит, среди скал замечали огромные тени. Сама Лариса видела. Она тогда от страху в обморок упала. Еле откачали…

– А следы? Я читал, после снежного человека остаются громадные следы.

– Какие тут, на камнях, следы? – возразила Глафира. – Может, и были. Я не знаю. У нас не научная экспедиция. Мы вообще-то кино снимать приехали.

Господин «Багров» молча согласился.

После ужина он отправился расспрашивать остальных членов группы. Их было немного. Пиротехники, два оператора, врач, гример и пятеро артистов – все мужчины. Они подтвердили слова администраторши.

– Вы действительно думаете, что Ларису загрыз голуб-яван? – всех по очереди спрашивал Марат.

Мнения разделились. Некоторые именно так и считали. Другие же предполагали, что Мельникова могла отправиться на прогулку, забраться, куда не следует, оступиться и упасть в пропасть. Там, внизу, ее не найдешь.

– Вы же видите, какая тут местность, – объяснял старший пиротехник Николай. – Расщелины глубокие, дна не видать. Если она чего-то испугалась и побежала, запросто могла сорваться. Лариса – барышня чувствительная, нервная.

– В любом случае надо искать, – настаивал Марат. – Вдруг она еще жива?

– У нас нет ни специального снаряжения, ни навыков. Хотите, чтобы еще кто-нибудь вниз свалился?

– Я хочу найти Ларису Мельникову. Это жена моего друга.

– Тогда нужно обращаться за помощью к альпинистам. Только они смогут осмотреть близлежащие расщелины. Их лагерь рядом со стройкой. По здешним меркам, разумеется.

– Пожалуй, вы правы, – согласился гость.

Они помолчали. Марат специально не задавал вопросов о взрыве в туннеле. Это потом.

– Правду говорят, что Мельникова видела снежного человека? Даже как будто в обморок упала?

– Не слушайте вы всякую чушь! – возмутился Николай. – Это бабские сплетни. Вам, наверное, Глафира наболтала? Глупости! Мельникову укачало в автобусе. Я же говорил, что она излишне чувствительна. У нее, вероятно, нервы никуда не годятся. Обычные галлюцинации. Такое бывает, особенно в горах. Горная болезнь, слыхали?

Этой же версии придерживался и доктор, молодой веснушчатый парень.

– У Мельниковой, вероятно, развилась горная болезнь, – сказал он. – Ее организм плохо приспосабливается к непривычным условиям. Это может вызвать своего рода психоз. Так что, если у нее ночью был приступ, она вполне могла выскочить из дому, побежать куда глаза глядят. А в темноте… сами понимаете.

– Значит, вы в голуб-явана не верите? Доктор смешно скривился.

– Я реалист. Предпочитаю более простые объяснения. Снежный человек – это заманчиво. Но я привык смотреть на вещи трезво. Кто его видел? По-настоящему никто. Огромные тени по ночам… могут оказаться игрой воображения. Если кто-то очень хочет увидеть монстра, он его непременно увидит.

– Вы считаете, что голуб-яван – фантазии любителей приключений?

– В значительной мере.

Опросив всех членов съемочной группы, Марат решил пройтись по кишлаку. Местные жители понимали его с трудом. Объясняться приходилось чуть ли не на пальцах. Горные таджики разводили овец, и в поисках пищи животные частенько забредали в укромные уголки. Но на овец никто не нападал.

– Весь хищник куда-то делся, – на ломаном русском говорил самый старый житель кишлака, который в молодости жил в Душанбе. – Барс нету. Овцы ходят свободно. Их никто не трогай.

Это единственное, что удалось установить Марату. Голуб-яван, если он здесь водился, животных не трогал. Сомнительно, что он стал бы нападать на человека. Наверное, Лариса

действительно пострадала от горной болезни. Хотя… не такая уж тут и высота. Вот он, например, чувствует себя совершенно нормально.

Господин «Багров» вернулся в дом поздно ночью. По дороге он усиленно озирался в надежде увидеть «огромные тени». Увы, ему не повезло. Луна спряталась за тучи, и холодный ветер гнал одинокого путника поскорее в тепло человеческого жилья.

Николай с Глафирой еще не спали, пили чай из широких глиняных кружек.

– Мы вас ждем, – сказала администраторша. – Уже начали беспокоиться. Кабы вы куда не пропали.

– Думали, меня голуб-яван слопал? – пошутил Марат. – Видно, он только в полнолуние выходит на охоту. А нынче, на мое счастье, тучи. Темнотища, хоть глаз выколи.

Николай неопределенно хмыкнул, но ничего не сказал.

– В туннеле был взрыв, слыхали? – как бы между прочим обронил гость. – Что вы думаете по этому поводу?

– Откуда вы знаете? – угрюмо спросил Николай.

– Во-первых, на дорогах оцепление, а во-вторых, Глафира сообщила.

– Трещотка! – разозлился пиротехник. Администраторша поспешно вскочила.

– Я спать пойду. Спокойной ночи… Николай проводил ее тяжелым взглядом.

– Чаю хотите? – спросил он Марата.

– Если угостите…

Пока пиротехник наливал чай, гость задал следующий вопрос. В виде шутки.

– У вас фильм-катастрофа?

– Ну…

– Вы, кажется, устраивали взрыв в туннеле?

– Ну, я. И что с того? Это кино. По-на-рош-ку! Для съемок.

– Значит, и взрывчатку привозили? Николай злобно уставился на «Багрова».

– Это же обыкновенный фейерверк. Вы что, не понимаете?

– Все заряды использовали?

– Все. А в чем дело? Вы что имеете в виду? Марат невинно опустил глаза, улыбнулся.

– Ничего… Я просто так. Полюбопытствовал. Николай рассвирепел.

– Ладно, хватит! – заорал он. – Прекратите свои дурацкие намеки! Любопытный нашелся!

Он встал и вышел, громко хлопнув дверью.

Калитин спокойно напился чаю, посмеиваясь про себя, и отправился в комнату Глафиры. Та сделала вид, что спит. Постель Ларисы была пуста. Администраторша приготовила ее для гостя.

Марат лег и сразу провалился в сон…

Под утро его разбудил громкий шепот.

– Эй, Багров, проснитесь!

Над ним наклонилось заспанное лицо Глафиры.

– Что случилось?

– Я вам сказать хочу… Вдруг Ларисе это поможет? Она самородок нашла, настоящий, золотой…

Марат спросонья ничего не понимал. Бредит тетка, что ли? Какой еще самородок…

Глава 6

«Трудились они в болотах и топях».
(Шумеро-аккадский эпос)

Галактика SO-88, планета Арагил. Далекое прошлое

Драгия – небольшая планета на самом краю галактики SO-88. В прошлом эта планета-малышка выглядела довольно симпатично: буйная, сочная зелень трав и деревьев, великое разнообразие фруктов, поля ярких цветов, множество рек с теплой мутно – зеленой водой и крупными ленивыми рыбами, пестрые жуки, легкие бабочки, порхающие в лучах розового солнца…

Никто из сегодняшних жителей Драгии уже не верил, что все это великолепие, запечатленное на картинах «старых мастеров», существовало на самом деле. Приятный климат резко изменился. А вместе с ним изменилась и жизнь.

Сегодняшняя Драгия являла собою жалкое зрелище. Иссиня-черные тучи тяжело плыли над жидким болотом, в которое превратилась ее некогда благодатная почва. Воздух пропитался гнилостными парами. С низкого, затянутого тучами неба безостановочно лил дождь, то мелкий, то проливной. И лишь изредка небо светлело, но и тогда оно оставалось непроглядно – серым и унылым. Не осталось ни одного деревца, ни одного чахлого кустика – все сгнило и растворилось в жидкой грязи. Тучи мелких насекомых, которые раньше вились над зловонной жижей, простиравшейся от края и до края небес, и те исчезли. И только в глубине планеты, под солидной толщей грунта, искусственно освещенный и обогретый, жил большой подземный город Жад.

Все, что Драгия еще могла дать обитателям Жада – были воздух и золото. Остальное – продукты питания и сырье для изготовления необходимых предметов обихода – они вынуждены были обменивать на золото у соседей, жителей других планет.

Спрос на золото неуклонно возрастал. Особенно ценились крупные самородки, которые добывали на поверхности Драгии прямо из болота. Воды, размывая почву планеты, обнажали золотоносные жилы, которые тонкими пластами располагались у самой поверхности. Глубина болота только в некоторых местах была значительной; в основном, ее уровень позволял осуществлять добычу золота без всякой особой техники.

Собранное золото не требовало почти никакой дополнительной обработки. Жители соседней галактики, прилетавшие на Драгию с планеты Хелион, щедро платили за найденные самородки техникой и приборами. Затхлая атмосфера, насыщенная миазмами болот, не подходила хелионцам, и они использовали роботов, которые безукоризненно исполняли волю своих создателей. Хелионцы выполняли проектировку и расчеты для реконструкции Жада. Многие произведения искусства, декоративные рельефы и панно, украшавшие город, создавались на Хелионе. За короткий срок Жад чудесным образом преобразился. Однако добыча золота попрежнему велась вручную.

Верховный правитель Драгии берег ресурсы своей планеты и постоянно ограничивал количество золота, подлежащее обмену. Кроме того, благодаря ручному труду, непомерно высокая цена на него оправдывалась.

Из – за медленного неумолимого ухудшения погоды на Драгии, условия добычи желтого металла становились все более тяжелыми: лил дождь, в воздухе накапливались испарения болота. Несмотря на высокую оплату труда, желающих выполнять такую работу найти не удавалось. Даже раньше, когда климат на поверхности планеты не был еще настолько суров,

драгийцы считали добычу золота унизительным занятием. Попытки правителей силой заставить их работать вызвали жестокий бунт. Некоторые лишали себя жизни, лишь бы не копаться в грязи под проливным дождем. Произошло неслыханное: несколько покушений на самого Канто, верховного правителя Драгии. Численность населения планеты резко падала, многие семьи отказались от рождения детей.

Неожиданно проблема решилась. Как? Об этом не думали. Главное – горожане забыли о трудовой повинности по добыче золота и зажили припеваючи. Никому не хотелось выяснять настоящие причины счастливых перемен.

Изящный сетлей[4] мчался по особо охраняемой трассе на предельной скорости. По обеим сторонам магнитной дороги «росли» светящиеся искусственные деревья. Их ажурные кроны сплетались в сложные, замысловатые узоры, но Касс этого не видел. Для него все, несущееся мимо, сливалось в широкие световые ленты. Иногда на несколько мгновений они пропадали, а потом появлялись вновь. Мало кто вообще знал об этой трассе.

Касс был начальником колонии, существование которой держалось в строжайшей тайне. Он заслужил отдых и ехал домой. Касс устал видеть грязные, изможденные тела полубезумных идиотов, населявших колонию, слышать с утра до вечера предназначенную для них речь, которая призывала к подчинению и порядку. Он устал следить за тем, чтобы безмозглую толпу вовремя выводили на работу и загоняли обратно. Единственное, что Кассу нравилось делать, – принимать собранное золото. Созерцание насыпанного в специальные емкости блестящего металла действовало на него очень благотворно. Касс ощущал прилив бодрости и непонятную радость, словно все это богатство принадлежало ему. Хотя на самом деле ему принадлежала только зарплата начальника колонии.

В центре Жада у Касса был отличный дом, его ждала жена. Они с Лет давно не виделись, и Касс, кажется, слегка соскучился. Касс и Лет ладили с трудом. Вместе им было хорошо только сразу после разлуки, а потом очень скоро появлялось раздражение и взаимные претензии. Двух номов[5] вполне хватало, чтобы Лет смертельно надоела Кассу, а он ей.

Больше всего Кассу хотелось повидаться с Хеттом и узнать последние новости. Хетт – старый друг Касса, единственный, с кем ему всегда удавалось находить общий язык.

Перед водителем сетлея на панели приборов вспыхнуло табло. На нем настойчиво мигала надпись: «немедленно ответить».

– Касс, – отозвался водитель.

Его голос прозвучал умеренно громко, ровно. Каменное выражение лица тоже не изменилось. Он привык быть собранным и предельно внимательным, иначе его жизнь могла оказаться в опасности. Одно лишнее слово, оброненное не там, где надо, и… какой-нибудь трагический несчастный случай положит конец его карьере.

– Ваш код для въезда в город – 20105. Срок пребывания – два нома, – отчеканило табло.

– Понял.

Дважды прозвучал громкий неприятный сигнал, и табло потухло. У определенного знака на трассе Касс должен набрать код. Если он немного замешкается или ошибется, его сетлей на одном из темных участков дороги налетит на невидимую преграду и превратится в обломки. Любого, кто мог случайно обнаружить эту трассу, ждала неминуемая смерть. Только смерть по-настоящему гарантирует сохранение тайны.

Показался *знак,* и Касс набрал код. Несколько темных пролетов дороги его не покидало неприятное чувство страха, потом он расслабился. Еще немного, он выедет на трассу общего пользования и станет таким же, как все, гражданином Жада.

---

[4] Сетлей – транспортное средство, похожее на земной автомобиль.

[5] Ном – промежуток времени, приблизительно равный земной неделе.

Касс подумал о том, как хорошо быть простым и незаметным горожанином. Обыкновенные драгийцы не пребывают в постоянном напряжении, могут позволить себе лень и беззаботность. Касс им завидовал. Все так легко, – живи и ни о чем не думай! Почему же он раньше не понимал этого? Он всегда старался выделиться и преуспел. Теперь его жизнь уже не принадлежит только ему. Касс подчинил ее чужим интересам.

Ярко освещенные улицы города вызывали ощущение праздника. Повсюду сияли огни и звучала музыка. Только теперь Касс до конца поверил, что у него начался отпуск. Целых два нома он сможет развлекаться и получать удовольствие!

Жад состоял из сети туннелей, переходов с одного уровня глубины на другой, многочисленных лестниц, навесных тротуаров с ажурными решетками – поручня – ми, мостиков, соединяющих здания, арок, выложенных разноцветными полированными плитками. Город сиял чистотой, неоновым светом и переливами красок.

Синий сетлей Касса медленно и плавно скользил вдоль зданий, примыкающих к стенам узких туннелей. Сами здания располагались в толще грунта; наружу выходили только их фасады, украшенные орнаментами из керамической мозаики. Светящиеся таблички с символами указывали на предназначение сооружений. Как правило, каждое здание имело несколько парадных входов. У лестниц, на поворотах улиц, в углублениях ниш, подсвеченных изнутри, стояли скульптуры. Раскрашенные цветной эмалью, они являли собой дивное зрелище. Скульптуры изображали инопланетян, фантастических животных и птиц.

По туннелям бесшумно скользили разноцветные сетлей. Вереницы прохожих праздно слонялись вдоль зданий по навесным тротуарам. Жители Жада не знали, что значит одеваться по погоде. Они привыкли к одной и той же комфортной температуре, слабому движению воздуха, уюту, налаженной жизни. Население города становилось все более изнеженным и слабым, но никто всерьез не задумывался об этом.

Касс обратил внимание на лица драгийцев. Их нельзя было назвать счастливыми. Начальник колонии вспомнил свои размышления о беззаботной жизни простых горожан. Теперь они не казались ему такими уж правильными. Во всяком случае, он гораздо больше знал о реальной жизни на Драгии, чем все эти двуногие «земляные черви». Наверное, они даже не представляют себе, как на самом деле выглядит их планета. Большинство из тех, кто родился и вырос в Жаде, ни разу не бывали на поверхности Драгии.

Нет, ему не подходит такое существование! Уж лучше знать правду. Впервые Касс задумался: возможно, он тоже знает далеко не все.

Сетлей остановился у лестницы, ведущей наверх, к входу в одно из узких серых зданий жилого района. У дверей красовались два больших цветка, вырезанных из камня.

Касс вошел в дом. Хотелось пить. Неужели он волнуется? С каждым приездом собственное жилище казалось Кассу все более чужим. Он не понимал почему.

Его никто не встретил. Хорошо, что код замка остался прежним, иначе ему пришлось бы стоять под дверями. Или разыскивать Лет. Интересно, где она?

Широкий пустой холл был слабо освещен. Кассу захотелось немного вздремнуть. Он посмотрел на трейл, миниатюрный аппарат связи, по которому можно поболтать с Хеттом, узнать последние городские новости. Нет… сначала он отдохнет как следует.

По дороге в гостиную Касс продолжал осматриваться. Почти ничего не изменилось с тех пор, как он был здесь в последний раз. Разве что Лет приобрела несколько новых светильников и безделушек непонятного назначения. Она была помешана на безделушках.

Касс вошел в столовую. Сквозь прозрачные дверцы камеры для хранения продуктов виднелись спелые фрукты, разные напитки, стеклянная посуда с какими-то блюдами. Он открыл камеру и взял мягкий оранжевый плод с желеобразной зеленой сердцевиной, откусил кусок в надежде утолить жажду и скривился. Ему в рот брызнуло что-то неимоверно жгучее, то ли

кислое, то ли горячее – он не смог разобрать. Касс все выплюнул и с опаской посмотрел на остальные продукты.

– Что это такое? Что за гадость? – пробормотал он.

Как жаль, что Лет отсутствует. Он бы высказал ей все, что полагается.

– Неужели кто-то ест такую мерзость? Где она это взяла? – ворчал Касс по пути к кухонной машине.

Он нажал голубую кнопку. Механическая рука услужливо подала керамическую чашу, наполненную ароматизированной водой. Он поспешил прополоскать рот.

– Убери это! – приказал Касс кухонной машине.

Механическая рука забрала чашу. Потом она принялась вытирать пол. Касс плавал в теплой желтоватой воде бассейна и все еще слышал, как машина щелкала и гудела, выполняя работу.

Бассейн располагался в большом, похожем на грот помещении. Каменные стены «грота» были с одной стороны гладкие, отполированные, а с другой – грубые и шершавые. В зависимости от освещения, настроения и фантазии хозяев «грот» мог выглядеть по-разному. Он казался то сумрачным, когда тусклый свет отражался в черной воде, то сверкающим, как пещера горного короля, когда освещался цветными прожекторами, от которых появлялись узоры на стенах и потолке.

Касс наслаждался прикосновениями струй, включив водный массаж. Наконец он полностью расслабился. Захотелось спать. Он выбрался из бассейна, улегся на полосу подогретого песка и включил лампу «искусственное солнце»…

Планета Земля, Памир. Наше время

Марату больше не пришлось спать. Через окно лился в комнату бледный рассвет. Глафира, растрепанная и бледная, с заспанным лицом, шепотом отвечала на его вопросы.

– Вы это серьезно, насчет золота? Она лихорадочно кивала головой.

– Да! Да… Я сама видела. Лариса мне показала…

– Где она взяла самородок, не говорила?

Глафира всплакнула и долго сморкалась, прежде чем ответить.

– Честно сказать, я была шокирована. Они с Изотовым… ну… симпатизируют друг другу. Вот. И Лариса попросила его устроить нечто вроде экскурсии…

– Экскурсии? Куда?

– В туннель… Интересно же! Он, разумеется, охотно согласился. Они пошли. И там… что-то случилось непонятное. Вдруг погас свет. Лариса очень испугалась, упала и потеряла сознание. Изотов ее на руках вынес наружу, потом… мы привели ее в чувство.

«И правда, нервная барышня, – подумал Марат. – Чуть что – в обморок. Может, у нее в самом деле горная болезнь?»

– Часто у Мельниковой случались обмороки? – спросил он.

– Бывало… – кивнула администраторша. – Видать, здоровье слабое. Наш доктор тоже так считает.

– Хорошо. Допустим, Лариса пошла с Изотовым в туннель, там погас свет, она испугалась, потеряла сознание. Ну и что? При чем тут золото?

– Я точно не знаю, – ответила Глафира. – Но, думаю, связь есть. Мы вернулись в кишлак, Лариса все время лежала. Никуда не отлучалась. На следующее утро мы снова поехали к туннелю: на съемки последнего эпизода. Мы никак не могли снять взрыв.

– Почему?

– Паршин не разрешал. На наше счастье, он слег с радикулитом. Ларисе удалось уговорить Изотова, и тот пустил нас в туннель. Благодаря ей, понимаете? Эпизод мы благополучно

отсняли. Но Мельникова… она все время нервничала, была сама не своя. Я думала, она боится из-за того… происшествия, или ей все еще нездоровится. Когда мы начали собираться, вещи складывать после съемок, Лариса отозвала меня в сторонку. Мы спрятались за ящиками, и она показала мне самородок. Вытащила из кармана куртки и спрашивает, мол, что это такое? Я глянула – сразу мурашки по коже побежали. Золото! Спрашиваю, где взяла? Она говорит, нашла…

– Где нашла?

– В кармане собственной куртки.

– Вы ничего не путаете? – удивился Марат.

– Я тоже не поверила. Но она именно так ответила: «В кармане куртки». Я точно помню.

– Какого размера был самородок?

– Не очень большой, как морской камушек…

– Ваш разговор мог кто-нибудь слышать? Глафира задумалась, поправляя волосы.

– Мы спрятались… но, кажется, кто-то подходил к ящикам. Мелькнула тень, и Лариса быстро сунула золото обратно в карман. Тут погас свет. Началась паника, беготня… было уже не до разговоров. Изотов помог нам выбраться из туннеля. Потом, когда мы садились в автобус, выяснилось, что Бахмет пропал. Его искали… В общем, нам с Мельниковой больше поговорить не довелось.

– Вы вернулись в кишлак вместе с Ларисой?

– Да. В автобусе рядом сидели. Она заснула. В дом я ее втащила полусонную, уложила в постель. Сама долго не спала. Думала, куда Бахмет делся? О золоте решила поговорить с ней утром. Ворочалась, ворочалась, и все-таки усталость взяла свое…

– То есть вы уснули? Глафира виновато кивнула.

– Ага. Крепко, как на грех. А утром… Ларисы уже в комнате не было. Остальное вы знаете. Я хотела промолчать о золоте. Никто, кроме меня, его не видел. Неприятно, если обо мне будут говорить, что я придумываю всякую галиматью. Вы-то хоть верите?

Марат сразу поверил Глафире. Такое она бы сочинять не стала. Да и зачем?

– Спасибо вам, Глафира, – серьезно сказал он. – Вы правильно сделали, что все мне рассказали. Я постараюсь найти Ларису. Самородок мог послужить причиной ее исчезновения. Но больше никому ни слова. Обещаете?

– Обещаю… вот вам крест!

Господин «Багров» знал цену женским обещаниям, поэтому добавил для острастки:

– Мы не знаем, что случилось с Мельниковой. Ее могли убить…

– Из-за золота? – ахнула Глафира. Ее глаза стали большими, как два блюдца. – Вы думаете, что и меня…

– Вам лучше забыть о самородке, – зловеще прошептал Марат, оглядываясь на дверь. – Вы меня поняли?

– Господь милостивый! – запричитала Глафира, тоже невольно оглядываясь на дверь. – Спаси и помилуй! А я-то, дурочка, все на голуб-явана грешила… простофиля. Спасибо, что подсказали. Я теперь рот на замок закрою. Не сомневайтесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.